

ПОЧТИ АНГЕЛ

СВЕТЛАНА ВЕТЕР

Светлана Ветер

Почти ангел

«Автор»

2023

Ветер С.

Почти ангел / С. Ветер — «Автор», 2023

Аарон Бейли - талантливый музыкант и композитор, попадает в одну из самых влиятельных музыкальных корпораций в Америке. Быстро шагая по карьерной лестнице, его ставят руководителем курса. Загадочным образом теряя память, он по крупицам собирает информацию, узнавая невероятные подробности своей жизни в тысячу лет, борясь не сколько с теми, кто захотел его уничтожить, сколько с самим собой - своей темной стороной по имени Александр, безжалостным убийцей, у которого отняли право на власть.

© Ветер С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ЧАСТЬ I. БЕЛОЕ.	6
Вступление.	6
Первый аккорд. Вспышка света.	7
Второй аккорд. Чужая душа.	16
Третий аккорд. Путь к свободе.	19
Четвертый аккорд. План побега.	24
Пятый аккорд. Спасение Александра.	28
Шестой аккорд. Вместе.	31
Седьмой аккорд. Благородная ложь.	37
Восьмой аккорд. Во власти огня.	41
Девятый аккорд. Пространство вариантов.	46
Десятый аккорд. Возвращение в ад.	49
Одиннадцатый аккорд. Тяжесть семейных уз.	53
Двенадцатый аккорд. Огненный ангел с холодным сердцем.	57
Тринадцатый аккорд. Короткие гудки.	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Светлана Ветер

Почти ангел

ПОЧТИ АНГЕЛ

Уважаемые читатели. Открывая книгу, вы принимаете решение пройти путь от падшего ангела до Бога. Путь, таящий немало опасностей, крутых поворотов, судьбоносных встреч. Путь, в конце которого ждет истина. Каждый из нас мечтает узнать, что же там, за облаками. Я даю возможность взглянуть на мир, созданный автором. Кто знает, возможно, в пространстве нашей Вселенной он действительно существует.

Жанр: фантастический роман.

Приятного прочтения!

ЧАСТЬ I. БЕЛОЕ.

Вступление.

Новый год. Мой самый любимый праздник. Я стою на Дворцовой площади, в воздухе взрываются фейерверки, шампанское льется рекой. Родители и сестра танцуют хоровод вместе с аниматорами и сотней других, пришедших веселиться в новогоднюю ночь.

Отгремели последние взрывы, закончилась выпивка, потухли бенгальские огни – пора домой. Глубокая ночь, все устали. Организованной толпой мы идем к метро. Сегодня оно работает до 3 часов ночи – петербургские власти молодцы, позаботились в этот раз о людях.

В метро давка, я защищаю Марину, мою сестру, а отец маму, чтобы не сломали чего, а то у нас в Питере каждый городской праздник какое-нибудь происшествие. Потом в новостях только и показывают – кого затоптали чуть ли не насмерть, кому ребро сломали. Толпа. Ведь некуда спешить-то! Ну и что, что морозец на улице, а из метро так приятно поддувает теплом. Сам налегаешь на людей: “Ну быстрее, шевелитесь!” А куда быстрее? Зачем? Праздник ведь. Но все хотят в тепло, домой, скорее за накрытые столы. Поэтому, войдя, наконец, в здание метрополитена, отряхиваю задники штанов – все испачканы, чуть не порвали. Окликаиваю своих.

– Все живы?

– Да, вроде. Где Петя?

– Я здесь! – отзывается отец, заходя на эскалатор. – Едем!

– ...Следующая остановка “Комендантский проспект”. – с привычным треском доносится из динамиков.

– Бегом! – мы выпрыгиваем из вагона. Двери сзади нас издают внушительный хлопок.

– Чуть не проспали. – Маринка смеется, радуясь, что мы успеваем вовремя выйти.

Как в старые добрые времена, дружной семьей решаем прогуляться пешком. Медленно, спокойным шагом, никуда не торопясь и вспоминая, какой залп фейерверка понравился больше всего и сколько это действие стоит для государства.

Когда приближаемся к улице Савушкина, я прощаюсь с родными. Мы планировали посидеть до шести часов утра у родителей в гостях, но уже закрываются глаза и хочется спать.

– Опять ты за свое! Ты ведь обещал.

– Мамуль, поздно уже. – театрально зеваю. – Я лучше пойду. Зато завтра встретимся раньше.

– Смотри! – хмурится сестричка. – Ждем к 12 часам.

– В 11:30 приду, честно-честно.

Обнявшись и еще раз поздравив друг друга с наступившим Новым 2006-м годом, мы расходимся по домам.

Первый аккорд. Вспышка света.

Все бывает в первый раз: первый вздох, первый танец, первый поцелуй, первая ночь. Открывая глаза, я впервые вижу нечто, нечто прекрасное: яркие вспышки в небе надо мной. Они красиво разрываются, озаряя светом темноту. А после них тишина и покой. И вокруг одурманивающее серое пространство. Первая мысль: “Я ничего не помню”.

Систематически вторгаясь в меня, ледяной холод заставляет изнутри дрожать. Я стою в горизонтальном положении, облокотившись на белый пушистый ковер. Нет. Я пришпорен к белому пушистому ковру, лежа на нем. Снег? Снег. Понимаю, что видел его когда-то раньше, но, вроде, не так часто. И он мне нравится. Волшебное явление природы. Маленькие ледышки пляшут надо мной и дразнятся, такие разные и непохожие друг на друга. Приближаясь, они становятся больше. Одна из них закрывает мне обзор. Щиплет. Хочу смахнуть белую пушинку, что нахально приземлилась прямо в глаз и заслонила своим холодным тельцем небо. Рвусь вперед и узнаю, что “боль” это мощный импульс, ход которого простирается от моей руки и до мозга, раздражая тело и заставляя кричать. И я почти вою, но мертвая тишина не нарушает свой покой чьим-либо голосом. Звук безмолвно растворяется в пустоте улицы.

Нужно куда-то идти и что-то делать. Наверное, я действительно шел куда-то, чтобы что-то сделать, но упал. Со мной что-то случилось! Сколько времени я здесь нахожусь? Попытка подняться и выяснить подробности завершается очередным приступом боли. Встать не так-то просто. Я как огромный кусок воды, почти превратившийся в лед. “Помогите”. – шепчут губы, но звук даже не вырывается из закоренелых легких.

Чьи-то шаги. Я слышу чьи-то шаги! Слово “человек” ассоциируется у меня не только с теплом, но и со страхом. “Человек – теплокровный, но страшный зверь, которого мне стоит бояться”.

Он опускается возле меня на корточки, наверное, желая растерзать, но я не наблюдаю у него ни острых когтей, ни саблезубых клыков. Этот человек смешной и глупый. Стоит его бояться? Его губы шевелятся, издавая странные звуки, которых не понимаю, но я улыбаюсь ему. “Поправка. Человек – доброе теплое существо. Друг”. Хотел бы я понимать его, но пока не могу, нет сил настроиться на его вибрацию.

– Что с вами? Вы не ранены? Все в порядке? У вас кровь. – он прикасается ко мне, и в этот момент наши взгляды ловят друг друга. Зрачки серо-зеленого оттенка внимательно всматриваются в меня, изучая и волнуясь. И я вдруг чувствую его, словно знаю тысячу лет. Он что-то шепчет, пятясь назад, но его речь не означает совершенно ничего. Я напугал его своим взглядом. В серой шапке, съехавшей набекрень, в надутой словно шар куртке, пахнущий чем-то неприятным, человек стоит напротив меня и отчего-то трясется. Нервные тычки пальцами по телефону. Нет, все же мой провал в памяти какой-то конкретный, ибо некоторые вещи типа телефонов и запаха перегара, который я не переношу, отчетливо мелькают мыслями в моей голове как то, что я знал раньше. С серьезным видом молодой человек что-то быстро и нечленораздельно бормочет в трубку.

– Алло, скорая? Примите срочный вызов! Мужчина, переохлаждение. Он ранен и находится в шоковом состоянии. Не может произнести ни слова. Возможно, под действием наркотиков. Приморский район, ул. Савушкина, дом 121.

Женским голосом из трубки отвечают все тем же быстрым темпом и весьма многосложно. Мне остается лишь гадать по интонации и выражению лица, о чем идет речь. И я подключаю воображение, чтобы в картинках увидеть этот странный диалог.

– Наркоман что ли? Нет, никого не можем прислать, привозите его сами!

– Да вы что там, обалдели? Я не могу, выпил. Новый год ведь.

– Ну и мы тоже не можем приехать, поймите. Тот же Новый год. Закажите такси.

– Какое такси? Я что, миллионер? Вы же дежурные! Он может погибнуть! На улице минус 20. Это ваша профессия – спасение людей, а не моя! – мужчина сердится, он кричит в свой аппарат.

– Все, что я могу сейчас сделать это проконсультировать вас. И не орите на меня, в районе ДТП, все уехали туда, что-то серьезное. Я сама тоже не могу приехать к вам. С утра пришлем машину.

– А с ним-то мне что делать? – мужчина указывает в мою сторону, думая, что на другом конце девушка тоже меня видит. Увы, нет.

– Я не знаю, что вам с ним делать. Сможете его домой к себе отнести?

– Да это уже наглость! Совсем что ли? Поташу я домой к себе неизвестно кого! Приезжайте и забирайте его! Я и так вам позвонил. Все! Вызов приняли? До свидания!

– Прошу вас, молодой человек. Мы только с утра сможем подъехать. Подумайте о нем, он ведь замерзнет.

“Пожалуйста, не оставляй меня! Ты мне понравился.” – думаю я. Его губы вздрагивают, а в зрачках маячит чувство тревоги. Кажется, что сейчас в его жизни принимается очень важное решение, сомнение овладевает им. Но вот в уголках замерзших губ появляется легкая и довольно дурацкая ухмылка.

– Улица Савушкина, дом 121, корпус 1, квартира 15, второй этаж. Приезжайте. Запишите телефон: 740-14-15. С утра жду.

Он отворачивается, тяжело вздыхая.

– Надеюсь, не пожалею об этом. – мужчина поворачивается ко мне и первый раз за то время, что он стоит рядом со мной, робко улыбается. У него овальное лицо с румянцем на щеках от мороза, небольшой и аккуратный нос со смешными рыжими пятнышками – веснушками, коричневые густые брови в форме ровной дуги, из-под шапки торчит прядь темно-рыжих волос, и всю эту картину прекрасно завершает совершенно добрый обеспокоенный взгляд. Интересно, а как выгляжу я?

– Утром приедет скорая, врач посмотрит, что с тобой. Давай-ка тебя аккуратно поднимем.

Приближаясь, мужчина дотрагивается до меня горячей рукой, и я словно разбиваюсь на миллион осколков. Каждый из них дает о себе знать. Боль зарождается в месте соприкосновения с его ладонью и разбегается по телу с невероятной скоростью. “Самый лучший способ забыть о боли хотя бы на время – это отключиться”. – подсказывают мысли. Не в силах вытерпеть жжение в каждой клеточке, я просто отключаюсь от реальности.

Кажется, в мое тело воткнули сотню иголок! Оно прогрелось и заныло с новой силой. Надо терпеть. Боль без зазрения совести напоминает о своем существовании при каждом рывке. На мои безмолвные просьбы отнести меня обратно на улицу, молодой человек с зелеными глазами только разводит руки в стороны и говорит что-то вроде: “Я тебя не понимаю”. Если честно, то лучше бы он объяснял жестами, чем, смотря добрым и полным сочувствия взглядом, произносил сложные предложения, которые для него что-то значат, но для меня лишь абракадабра. Лежа на диване в испачканной грязью одежде, мечтаю скинуть дурно пахнущие вещи, помыться и закутаться во что-нибудь чистое и ароматное. Я показываю жестами

ванну и мочалку. Интересно: если бы мне кто-то также пытался объяснить руками какое-то действие, догадался бы я, о чем идет речь или нет?

– Ну чего ты хочешь? Я не понимаю. Но тебе явно нужно помыться. Пойдем, я набрал ванну. Твои вещи постираю в машинке, до завтра они высохнут. а ты пока в моем походишь. А ты высокий. У меня такой одежды нет, но что-нибудь подберем. Ты не против? А с тобой приятно общаться, ты ведь даже не перебиваешь, не сопротивляешься и не споришь. Идеальный собеседник. – мужчина нервно смеется. Без надутой куртки и серой шапки он выглядит моложе. На вид ему не больше тридцати.

“Ему 27”. – шепчет какой-то довольно педантичный внутренний голос.

– Ты не понимаешь меня, да? И откуда ты такой на мою голову взялся? Ладно, идем. – парень аккуратно помогает мне подняться с дивана. Крохотными шагами мы бредем из уютной маленькой комнатки по коридору в направлении ванной. Неужели он-таки догадался?

Прохладная, приятная на ощупь, вода уже мне нравится заведомо до того, как в нее погрузится мое тело. Но моя слабость в конечностях не позволяет самостоятельно преодолеть чугунную преграду, да и с одеждой возникают некоторые проблемы. Парень стягивает с меня пиджак, рубашку и помогает скинуть брюки, при этом он краснеет и смущается, а я стесняюсь того, что свое тело вижу впервые. Я похож на него, только бледнее.

– Странно, у тебя вся рубашка порвана и в крови, а на груди раны нет. Завтра приедет врач и обследует тебя. Хорошо? Ну чего ты так смотришь? Хо-ро-шо? Кивни, что ли, если понимаешь. Вот чистые вещи. Через десять минут зайду, де-ся-ть ми-нут. И проверю, как ты. Если что кричи. Ах, блин! Ну по стене постучишь, и я приду. – мой спаситель стучит по кафелю и снова что-то говорит словно недоразвитому ребенку. Я догадываюсь, что он имеет в виду и радостно киваю головой. – А это что такое?

Молодой человек нагибается и поднимает с серого кафельного пола блестяшку.

– Это твое? – спрашивает он, рассматривая в руке найденный предмет. Я беру его и подношу к свету, чтобы как следует разглядеть. Выгравированная надпись “А.В.” может означать все, что угодно: от фирмы-производителя до инициалов. На одном из рукавов моего пиджака мы находим вторую такую же булавку, которая служит в качестве запонки, почерневшую от грязи, но похожую на первую как две капли воды. – Это инициалы. Как тебя зовут? Андрей? Алексей? Александр? Антон? Анатолий? Артур? Кивни, если правильно.

Я пожимаю плечами, мол, не понимаю тебя, человек. Вообще не понимаю. И от этого грустно. Вокруг глаз становится мокро, почти ничего не разглядеть из-за пелены слез. Капли текут по щекам, я беспомощно стою и не могу пошевелиться. Чувствую неловкость перед мужчиной, ведь я даже не имею возможности сказать ему о своей благодарности. Опускаюсь на корточки и ощущаю себя инвалидом. Вся кожа покрывается мурашками, холодок бежит по телу.

– Не расстраивайся. Завтра что-нибудь прояснится. И как с тобой общаться? Станный ты, понимаешь? Совсем. Ну ладно тебе. Давай, помогу. – он помогает мне залезть в воду. – Мойся, мешать не буду. Позовешь, ясно?

Мужчина зачем-то еще раз стучит по стене, выходя из ванной, оставляя меня одного в состоянии, которое называется “расстройство”.

Окунаясь, наконец, в прохладную воду, я ощущаю удовольствие. Множество вопросов, на которые нет ответа, заставляют думать о них, и от этого голова кипит словно чайник. Почему не понимаю то, что говорит мой спаситель? Почему не помню своего имени и вообще ничего о себе не знаю? Почему не могу произнести ни слова? Почему, почему, почему?

Я ухожу от вопросов под воду, погружаюсь с головой, и они отстают. Не думая ни о чем больше и наслаждаясь комфортной средой, открываю глаза и смотрю на мир сквозь толщу воды: расплывчатые пятна вместо предметов интерьера, интересные, загадочные и веселые.

Вот голубая люстра на белом потолке имеет форму амебы, а вот моя рука, искаженная и кажущаяся совсем крохотной. И не хочется выныривать. Там, наверху, слишком сложно, там нет ответов и там страшно, а здесь комфортно и легко. Здесь я чувствую себя защищенным со всех сторон.

“Нужно сделать вдох. Нет, просто необходимо! Поднимайся!” – я паникую. Но скользкая посуда не выпускает из плена, а руки слабы и не могут меня вытянуть. Шепчу: “Помогите”. – но вода поглощает все звуки и стремится в легкие. “Эй, парень, где же ты?” – но разве он услышит тихий и плавный стук по высокому бортику? Не в силах сдерживаться, уставший бороться, разжимаю губы и вдыхаю.

Осознание, что я дышу водой, приходит не сразу. Смесь хлорки, ржавчины, микроорганизмов, но, проникая внутрь, жидкость дарит мне облегчение и лечит стонущее тело, забирая с выдохом неприятные ощущения с собой. Люди так не могут. Кто я? Этот вопрос не относится к имени и социальному статусу. Этот вопрос касается моего происхождения. Я лишен дара речи и памяти, чтобы не рассказывать какие-то тайны? Или я вообще родился только сегодня? Почему первой ассоциацией со словом “человек” стал “страх”? Потому что я не человек. “Но кто тогда?” – звучит в голове, и мне неприятно ощущать этот вопрос, ощущать как он проходит по нервам и застывает перед глазами.

Кажется, мне нужно учиться жить. Привыкаю к воде как к субстанции, что меня питает и лечит внутренние раны. Лежу и наслаждаюсь тишиной, набирая силу. Пять минут, десять. Пора бы подниматься. Слышу шаги.

– Эй, я захожу. Ты помылся? – парень стучит в дверь и, открывая ее, изучает обстановку. Секунда, и он уже вытаскивает меня из воды. Смотрит. Я голый, но не смущаюсь. Тоже на него смотрю, не моргая. Сам в шоке, но сказать ему об этом не могу. Он первым нарушает тишину.

– Я испугался, что ты утонул! – он сильно напряжен от страха. Дрожит. Резко дает мне полотенце, почти бросая его в меня. – Давай, выходи уже, поедим чего-нибудь да ляжем спать. Тебе помочь одеться?

Парень пытается примерить на меня чистую одежду, но я беру из его рук вещи и уже справляюсь самостоятельно. Видя, что помощь не требуется, он уходит, что-то бормоча под нос.

Врученная одежда почти подошла. Штаны короткие, рубашка велика, но все равно это чистые и ароматные вещи. Открывая дверь, потягиваюсь от удовольствия, разминая конечности. Тело с легкостью поддается командам мозга, но спина горит. Проходя мимо овального зеркала, останавливаюсь, впервые видя себя в полный рост: выбеленная кожа, словно загар это не мой конек, черные волосы, темно-карие глаза, черные выразительные брови и черные же густые ресницы. На вид лет двадцать, не больше. Кто я такой? Вампир что ли? Дотрагиваясь пальцем до зеркала, думаю, что отражение в нем чуждо для меня, совсем не узнаю в этом молодом мужчине себя, так похожего на какого-нибудь аристократа. Ни имени, ни дома, ни семьи. В мыслях и в отражении моих глаз пустота, и только чуть подрагивающие огоньки внутри пытаются о чем-то сказать, привлекают и манят, но я не понимаю их знаков. Мужчина сочувствует. И вдруг я ощущаю, как спина загорается огнем, точно до меня дотронулись сзади каленым железом. Падаю на колени, подстреленный этой резкой жгучей болью.

– Эй! Что за черт? У тебя кровь!

Стягивая с меня рубашку, он кидает ее на пол. На белом материале продолжает расплываться алое пятно, и в зеркальном отражении по спине стекают вниз струйки крови, а выжженные буквы складываются в слово, которое лучше бы не понимал, но его значение четко отражается в голове. Мое и без того бледное лицо белеет. “Александр – убийца”, – всплывает мерзкая

фраза, которую в меня словно кто-то бросил. На лопатках красуются два огромных симметричных шрама, давно зажившие, но оттого не менее непонятные. У меня были крылья? Они ноют. Часть моего прошлого, о котором я и не догадываюсь, часть меня. Вспоминай, живо! Кто ты такой? Откуда? Еще раз натыкаясь в зеркале на кровавую надпись, ощущаю слабость, в глазах темнота. Мой спаситель едва успевает понять, что со мной, когда мое тело складывается на полу как трансформер.

“Он обманул меня. Как ни печально это осознавать – Александр прав. Я спасен для того, чтобы исправить чужие ошибки, и теперь поставлен перед сложным выбором, загнан в угол. Взгляд ищет ответ в быстро сменяющемся друг друга пейзаже, но ответ лишь во мне. На улице уже стемнело – скоро двенадцать и скоро все решится. Хочу раствориться, исчезнуть, самоуничтожиться, но это не избавит меня от проблемы. Сегодня прольется кровь. Моя? Не исключено.

– Сэр, приехали! – водитель останавливает такси. – Мы на юге.

– Так быстро? – я чувствую, как наполняюсь страхом, он растет во мне, точно сорняк.

– Но вы же сами...

– Просил, кажется... Спасибо вам. Сдачи не надо. – я кидаю на сиденье двести долларов и, выходя из машины, растягиваюсь на асфальте, споткнувшись о порог. – Вот черт!

Нервничая, хватаюсь за голову.

– Я могу вам помочь? – водитель выходит следом за мной и садится рядом на холодную поверхность.

– Я должен сделать это. Понимаете? Да ничего вы не понимаете! Я должен его убить, а ведь обещал беречь. Я не смог. Всего один вопрос, на который у меня нет ответа: осталось ли хоть что-то в этом чудовище от моего друга?

– Убийство – не выход. Убивать – тяжкий грех.

– Грех? Вы говорите как мой отец. Но, черт возьми, я уже и так адски грешен.

– Это ложь. Вы же ангел.

– Почти...

– Что почти?

– Почти ангел”.

Я вздрагиваю от неприятных ощущений и противного запаха мерзкого пойла. Мне что-то снилось, какой-то смутный диалог, касающийся имени на спине. Кажется, я действительно кого-то убил. Мой странный товарищ промывает рану спиртом, и надо терпеть, чтобы не было заражения.

– Тихо. Осталось совсем чуть-чуть. – он прислоняет мокрое полотенце к месту, где жжет больше всего, и отходит в сторону.

– Скоро утро, я так устал, спать охота. Ты хочешь спать?

Он находится совсем близко, и я ощущаю исходящую от него энергию страха, смешанного с теплом его открытого сердца. До меня долетает равномерное дыхание, и мне больше всего на свете хочется прикоснуться к этому человеку, к его энергии, поиграть с ней. Словно стоишь у костра и протягиваешь к нему замерзшие ладони, чтобы согреться. Не знаю почему, не понимаю зачем, но, поднявшись с пола, уверенным движением беру юношу за руку и настраиваюсь на его частоту. Его зрачки реагируют на меня и расширяются. Я вошел в него. Он замирает, словно загипнотизированный, ожидая моего приказа. Полный решимости, делаю вдох. Тонкой струйкой в меня вливается его жизнь, жизнь зеленовато-серыми глазами: что можно и чего нельзя, как устроен его мир, как произносить слова и что они означают, и я жадно глотаю информацию, чувствуя, как наполняется мой мозг и как становятся понятны все произнесенные за сегодня фразы. Отрываясь от моего спасителя, вглядываюсь в свое отражение –

светлячки горят ярче прежнего. На лице сытая, довольная улыбка. Дотрагиваюсь до парня, и он падает без чувств словно карточный домик. Холодный стеклянный отблеск его остановившихся зрачков направлен куда-то вдаль. Убил что ли? Наклоняясь над ним, пытаюсь растормошить, и, наконец, когда я ловлю его потерянный взгляд, он начинает шевелиться. Фух, ну ладно.

– Я что, заснул?

Я проецирую в голове ответ “Ты упал в обморок”, невидимым облачком выпускаю наружу, и вместе с воздухом парень, которого, как я узнал, зовут Денис, вбирает его в себя.

“Ты упал в обморок”. – шепчут его мысли, копируя мой голос и перенастраивая его на частоту, которая будет ему понятна. Чистый тезаурус.

– О, не бойся, все хорошо. – отвечает он. А потом до него доходит, что он услышал. – Погоди-ка! Ты сейчас говорил что-нибудь или это у меня похмелье?

“Я не говорю. Я думаю. А ты слышишь то, что я думаю”.

– А, ну теперь все ясно. – затягивает парень, присаживаясь на краешек мягкого кресла. Люди так обычно говорят, когда чем-то шокированы. – Что-то мне дурно. Я твои мысли что ли слышу?

“А это странно? Я знаю, что так можно общаться”. – я вглядываюсь в свое отражение в надежде, что надпись со спины исчезнет, но она по-прежнему горит, намекая на страшные события моей жизни.

– Да, это странно. Скажи, наконец, как тебя зовут и что с тобой произошло?

“Я не знаю. На спине написано, что Александр. Но не факт. Может, я тебе о мире лучше расскажу, потому что о себе я не помню абсолютно ничего”.

– Это шок. Думаю, память вернется. Меня больше пугает, что я слышу твои мысли. Никогда не хотел столкнуться с такими людьми, а теперь оказывается, я один из них.

“Не бойся, ты слышишь только то, что я хочу тебе сказать и потому лишь, что я хочу, чтобы ты слышал, поэтому не переживай. С тех пор, как впервые открылись мои глаза, прошло три часа, и за это время только в одном уверен на сто процентов. Я не человек. Ну и не ангел, наверное”.

– Что за глупости? Посмотри на себя. Разве ты чем-то отличаешься от людей?

Он осматривает мою белоснежную кожу, бросает взгляд на свое отражение, снова на меня и опять к себе. Потом оценивает рост, фигуру, наши лица.

– Знаешь, все это бред. С чего ты так решил? – напряженная улыбка и мысли: “А вдруг правда?”

“Тебе лучше не знать, почему. Могу я тебя попросить не смотреть на мою спину так пристально? Твое внимание рождает в ней боль”.

Дениса одолевает икота от моей наглости, но уже нет сил терпеть жжение от чужого внимания. Недолго думая, мой спаситель подбирает подходящий ответ, который и меня не обидит, и не покажет, что он его задел:

– Пустяки. С утра придет врач, он посмотрит тебя, а пока надо ложиться спать.

“Да, хороший я сегодня получил подарок на Новый год! Ничего не скажешь!” – думает Денис, и я слышу его мысли. Ухмыляюсь.

“Я хочу поблагодарить тебя за спасение! Чувствуешь, как из моих ладоней исходит поток благодарности и входит в твой?”

– Нет... А должен?

“Не знаю. Но, пожалуйста, извини меня, если что-то не так. Стечение обстоятельств, при котором я оказался на улице в снегу, вряд ли были мной запланированы, чтобы встретиться с тобой и стать помехой твоему сну и твоей жизни. Это словно судьба”.

– Да о чем ты? Это ты извини, что еще думал, стоит ли тебе помогать. Люди привыкли проходить мимо чужой беды.

“Давай не будем играть в извинялки за все человечество? Глупая затея. Понимаешь, я и правда опасен. Эта надпись на спине, эти мои способности. Что я такое? Ты ведь знаешь, что там написано?”

– Нет, а что? Я такого языка вообще никогда не видел.

“Там написано, что Александр убийца. На запонках, думаю, мои инициалы. Я могу быть этим самым Александром, и я, кажется, кого-то убил”.

Денис шокирован. Не глядя в мою сторону, он достает из кармана джинсов мобильный телефон, шепча: “Господи, что за нафиг?” Он всерьез напуган. При словах о Господе моя голова загадочным притяжением опускается вниз, словно бы кланяясь: “Слушаюсь и повинуюсь”. Но я не согласен с таким ее поведением и усилием воли держу ее прямо, напрягаясь и ожидая, когда этот приступ поклонения Богу пройдет. Возможно, я какой-нибудь демон, ненавидящий Небеса.

– Алло, девушка? Я недавно звонил вам: мужчина, переохлаждение, Савушкина, 121.

– Да, помню. Вам нужна консультация? С потерпевшим все в порядке?

– Нет, не все. Забрали бы вы его уже. Я за него волнуюсь.

– А как он выглядит? Опишите. – на другом конце провода в панике шуршат бумагами. Денис стыдится своего страха и прячет от меня взгляд. На самом деле, я бы тоже испугался, если бы был человеком и встретил такое, как я, чудовище.

– У него черные волосы, белая кожа, карие глаза. Его внешность не вызывает опасений, но на его спине большие симметричные шрамы, которые идут прямо по лопаткам. Старые, давно зажившие. А на рукавах пиджака мы обнаружили золотые запонки с буквами “А.В.”, возможно это его инициалы или его каких-нибудь далеких предков.

На том конце провода засуетились.

– А.В.? Молодой человек, никуда его не отпускайте, доктор прямо сейчас выезжает. Он будет у вас очень скоро. Спасибо вам, что перезвонили. Это очень важная информация. Этого человека как раз ищут. Не говорите ему об этом, пожалуйста. Он может быть опасен.

– Жду. – Денис кладет трубку и, озираясь по сторонам, предпочитает молча скрыться на кухне. Спустя несколько минут он все-таки зовет меня.

– Давай чего-нибудь поедим? Я не особо готовлю на праздники, но салат “Оливье” сделал. Будешь?

“Спасибо, но мне не хочется”.

– Кстати, меня зовут Денис.

“Я знаю”.

– Понятно. Не буду спрашивать откуда. Кстати, ты не выглядишь опасным. Ты напуган и дезориентирован. Возможно, это чья-то злая шутка. Тебя наверняка уже кто-то ищет.

“Полиция? Не смей меня, Денис! У меня на спине написано, что я убийца! Я дышу под водой, общаюсь через мысли. Сам себя слышишь?”

– А когда ты молчал, ты был добрее. То есть? В каком смысле “дышу водой”? Ты дышал водой, когда я тебя из ванны вытащил? Seriously?

“Да!” – злясь на глупого человека, я срываюсь с места и выхожу на балкон, всматриваясь в темноту улицы. Мой спаситель подходит следом с бутербродом в руках и встает рядом с дверью.

– Ты замерзнешь тут, вернись в комнату.

“Мне все равно! Неужели сейчас это непонятно? Может, я и в снегу лежал и ждал, когда помру. Но потерял память. А тут ты, спаситель хренов!”

– Но ты рано сдаешься. Еще ничего неизвестно.

“Известно. И даже тебе, человек. Иди спать.” – тут я каким-то очень приказным тоном заставляю Дениса развернуться и выйти с балкона, закрыв за собой дверь. Он действительно направляется в кровать. Наконец-то.

“Прости. Ты выглядишь очень уставшим. Я никуда не денусь, обещаю. Скоро меня заберут, а ты избавишься от странного ночного гостя. И дело с концом”.

– Спокойной ночи, А.В.

“Спасибо. Да будет так”.

Он впервые назвал меня инициалами со старинной запонки. Приступ злости начинает угасать, и я остываю. Было такое странное ощущение, что еще немного, и мое тело загорится. Словно внутри меня раскаленная магма, словно я сам и выжег эту проклятую надпись.

Кто я такой? Почему ничего не помню? И кому перешел дорогу? Мне спасли жизнь или избавились? Или я сбежал от кого-то? Смотрю в темноту и пытаюсь разобраться в себе. Откуда эти ужасные шрамы? Что с голосом? Где мой дом? Есть ли семья? Ищет ли она меня или не желает видеть? Мои размышления прерывает стук в дверь.

– Эй, уже целый час прошел. Ты не выходил оттуда? Заболеть хочешь? Живо в дом! Ну! – Денис влетает на балкон и выталкивает меня из него.

“Эй, полегче. Я просто задумался”.

– Быстро! Горячий чай и беседа с другом тебе помогут. Пойдем на кухню.

“Другом прикидываешься? Зря. Зря ты со мной разговариваешь, зря в дом тащишь. Не стоит, ты привяжешься ко мне. Через несколько часов приедет доктор и увезет меня. И у каждого из нас будет своя дорога. Зачем пытаешься выслушать, зачем хочешь помочь? Я же не прошу!”

– Просто ты хороший человек, я это вижу. – Денис наливает нам по кружке терпкого напитка и, даже не знаю, что именно помогает справиться с волнением: горячий чай или забота обо мне.

“Я очень странный?”

– Очень. Мне вот сейчас кажется, что ты не общаешься со мной, а это просто действие алкоголя так на меня влияет. Вдруг я сошел с ума?

“Хм. Это можно проверить. Скажи мне, что сделать, и увидишь”.

– Дай подумать. О, знаю. Улыбнись, наконец”.

“Серьезно? Улыбнуться? В такой ситуации? Ну что ж, пожалуй, ты прав. В этой нелепой истории мне бы не пришло в голову улыбнуться, так что эксперимент будет удачным”.

Я искренне улыбаюсь, думая о том, что мне приятно находиться в обществе этого молодого мужчины, который способен приободрить меня, даже когда на душе хмуро и пасмурно, а на улице собачий холод. Он человек, разгоняющий облака. Человек-солнце. Да, мое рыжее яркое солнце, вот кто он, вот почему мне с ним комфортно и легко. Меня к нему тянет. Он согревает лучами и дарит надежду на что-то лучшее. Его зеленые глаза – целый мир.

“Ну что, достаточно надо мной издеваться?” – я все еще улыбаюсь, чем заставляю Дениса рассмеяться в ответ.

– Да. Достаточно.

Я сразу же прячу улыбку, возвращаясь к своему мрачному состоянию. Снег за окном все валит и валит, холодный и надоедливый. Скоро я помчусь по заваленным дорогам неизвестно куда.

– Давай все же немного отдохнем. У меня голова болит от этих странностей. – мой собеседник зевает, и я киваю в знак согласия. Он раскладывает одно из кресел, которое подальше от него, застилает бело-голубую простынь, вручает мягкую подушку, одеяло и желает спокойной ночи. Наступает тишина.

Угнетающая своей мрачностью тишина. Доносится лишь тихое сопение Дениса. Выбрав удобное для себя положение – голову на локоть, другой рукой закрываюсь от внешнего мира, ноги подбираю под себя – пытаюсь расслабиться. Мысленно беру простой карандаш и неуверенными штрихами рисую на воображаемой белой бумаге крыши домов и стекающие с них капельки воды. Линии под грифелем оживают и раскрашиваются. Ярko светит в глаза желтое солнце, резвятся маленькие сине-серые птички. С разной скоростью и последовательностью прозрачные капли отрываются от нависшего белого льда и разбиваются о черный асфальт: кап-кап, кап-кап, и нарисованный город звучит. Не знаю, почему именно крыша, лед и капель, почему именно музыка, а не просто стук воды. Но в каждом движении я слышу ноты, в каждой ноте – многогранность и переливы. В каждом таком звуке – отклик души. С этой разноцветной мыслью моя реальность обращается сном, а сон становится реальностью. Гуляя под крышами домов, ловлю руками холодные и мокрые капли, и город играет для меня, успокаивая и унося как можно дальше от вопросов и проблем. Я засыпаю.

Второй аккорд. Чужая душа.

Перед сном мы долго разговаривали о его возможном прошлом, но вот он умолкает. В комнате наступает затишье, и только стрелки часов продолжают идти, отмеряя время. Я уже стою на пороге сна, тело расслаблено, а в голове что-то играет. Кап-кап. Кап-кап. Все громче, и вот звуки расходятся не на шутку. Перед глазами возникает картина в движении: город, крыши домов, и с них тоненькими ручейками бежит вода. Согретые яркими весенними лучами, сосульки тают, и весь большой мегаполис тонет в талой снежной массе. Звуки падающих на землю капель складываются в ослепительно чистую мелодию, гармонию города и природы. Мне никогда прежде не чудились такие красивые сны, и они не были настолько реалистичны. И если я осознаю, что сплю, то это не сон вовсе? Что же это? Открываю глаза, стараясь ровно дышать, но мелодия все не прекращается, она по-прежнему переливается всеми цветами радуги в моей голове. И ответ приходит сам собой – опять приколы от моего загадочного товарища. Так, стоп! Почему “моего”? Пора с этим заканчивать.

– Эй, ты спишь?

В ответ лишь равномерное и едва уловимое сопение, но капель в моей голове затихает. Насколько он другой: слишком юный, слишком красивый, слишком эмоциональный, слишком притягивает к себе. Похож на артиста: в нем импульс, педантичность, яркий характер и требовательность слились воедино. Его сложный взгляд, в котором, кажется, сложились безоблачное, беззаботное детство и глубокая седая старость, приковывает к себе. Смотрел в его зрачки как в бездонный колодец и не боялся утонуть, хотел броситься с головой в эти кольца огня, что они таят своей глубине, и от этого мне страшно. Я ловлю себя на мысли, что мне не хочется его отпустить. И это бред.

Вдруг А.В. вскакивает с постели, вытирая друг об друга мокрые руки.

“Что-то случилось? Почему ты не спишь?”

Вспоминая звук падающих музыкальных капель на асфальт, улыбаюсь.

– Одна очень красивая мелодия, навязчиво играющая в моей голове, не давала покоя.

“Ой, ты тоже это слышал? Я гулял там среди дождя. Смотри!” – молодой человек с инициалами А.В. демонстративно показывает свои мокрые ладони, с которых действительно капает вода.

– Нет, я не удивлен. Нет-нет, меня не колбасит, я не сошел с ума. Точно нет. – я усмехаюсь, а внутри нарастает тревога. Это же не просто какое-то чудо, а передо мной кто-то совершенно невероятный. Боже, пусть это окажется очень длинным сном. Я даже согласен на отравление шампанским. Пожалуйста.

“Ну, такие дела”. – А.В. почему-то нехотя наклоняет голову вниз, а потом напряженно и достаточно недовольно поднимает подбородок вверх. Его суровый взгляд говорит о внутренней борьбе с чем-то.

Между нами растекается напряженная тишина. Каждый в этот момент думает о своем.

“Мне кажется, от меня хотели избавиться. И думаю, у них не получилось”.

– Мы этого не знаем. Но точно после твоего ухода я обращусь к психологу!

Нет таких слов, чтобы описать чувства, которые бушуют сейчас в моей голове. Так хочется помочь ему отыскать себя, и на это есть две причины: первая, потому что его жаль. Жалко смотреть в испуганные глаза, которые так и просят о помощи. Второе, я горю желанием расшифровать эту сложную загадку: кто, откуда, почему, для чего. Любопытство заставляет меня забывать об опасности этого квеста. Но я с детства мечтал о приключениях, особенно когда читал про капитана Врунгеля.

Мой гость оказывается весьма интересным собеседником. За кружкой чая мы обсуждаем историю машин, государства и даже места летнего отдыха, и я вижу, что для человека, который потерял память, он знает слишком много: отвечает не задумываясь, словно берет информацию из невидимого поля. За разговором с ним усталость и сон уходят на второй план. Семь утра, и нам звонят в дверь. А.В. резко сжимается в клубок на кресле, подбирая под себя ноги и заворачиваясь в одеяло.

“Началось. – думает он – Открывай дверь. А я постараюсь никого не убить”.

Губы его в усмешке. А глаза совсем не веселые.

– Кто там?

– Доктор Сотников. Ночью мне поступил вызов из диспетчерской.

Перед нами возникает мужчина со строгими чертами лица. Седой. На нем под расстегнутой зимней курткой белый медицинский халат. При нем также с собой аромат медикаментов, которыми пропитаны все работники здравоохранения.

– Извините, что не сразу приехал, но сегодня у всех чего-нибудь случилось, пришлось поехать по городу. В такую-то прекрасную ночь! А где наш больной?

Почему-то мой гость не желает передать доктору свои мысли, а отворачивается к окну, отрешенно наблюдая за вальсирующими на ветру снежинками.

– Ах, вот вы где, голубчик! Как себя чувствуете? – доктор Сотников ставит на кровать свой потрепанный временем коричневый чемодан, который, кажется, старше его самого, копается в нем, перебирая вслух многочисленное содержимое: бинты, жгут, вата, марганцовка, шприцы, валокордин, анальгин и прочее. Откапывая фонарик, он кричит: “Эврика, нашел!”

А.В. заворачивается в одеяло еще крепче и злобно огрызается на доктора, передавая мне в очень язвительном тоне: “А ты ведь говорил по телефону, что я не особо разговорчив. Почему он спрашивает? Я не отвечу ему! Да и ты лучше молчи, что слышишь меня, а то в дурдом упекут. Понял?”

– Почему вы молчите, больной?

– Доктор, он не может говорить. Я об этом предупреждал по телефону вашего дежурного.

– Так... Интересно!

Доктор берет фонарик и обеденную ложку, просит моего гостя открыть рот. И тот, сверкая глазами, подчиняется. Мне кажется, не будь здесь меня, сейчас бы правда произошло убийство. Не взгляд, а лазерный прицел.

– Странно. У вас, видимо, психологический шок. Вы все прекрасно можете, просто не хотите. Вполне возможно, – размышляет Сотников, – кто-то напугал вас. Но мы поможем. Собирайтесь, юноша, едем на обследование. Сделаем МРТ. Знаете, что это такое? Это не опасно. Выясним, что с вами. А там и в полицию обратимся. Кто-то ведь может вас искать. Волнуется за вас.

Темно-карие зрачки с испугом смотрят на меня, его руки дрожат. Клянусь Богом, я никогда прежде не испытывал такой привязанности даже к своим родным. Мне больно, что этот тип уезжает. Но кто-то ищет его, ведь у такого человека обязательно есть любящая семья. Должна быть. Я вспомнил, что через несколько часов обещал своим прийти в гости, а ведь я толком даже не поспал. Зато будет о чем рассказать.

Чувствуя странную боль в области сердца, подхожу к А.В., сажусь рядом и шепчу:

– Удачи тебе, загадочный человек. Думаю, кто-то уже разыскивает тебя, и завтра ты с ними встретишься. Я запишу свой номер, позвони потом, как все прояснится. Я буду рад пообщаться.

“Нет! Денис! Я принес хаос в твой дом и заберу его с собой. Мне радостно, что я избавлю тебя от своего присутствия. Вспоминать, может, и буду, но меня или арестуют, или на опыты отправят. Сам-то как думаешь? А? Недолго мне такому осталось после их МРТ”.

Я ловлю на себе мрачный потухший взгляд. Взгляд человека, уверенного в том, что он говорит и понимающего больше, чем я могу себе представить. Но вот он отворачивается и, не говоря больше ничего, выходит из квартиры.

Хочется добавить что-нибудь еще, что-то хорошее и доброе, как и сам потерянный юноша. “Ты вдохнул жизнь в мой дом, а не хаос. Останься!” – вертится в голове дурацкая мысль. Я гоню ее, потому что так будет правильней. Ему там помогут. Так ведь?

Доктор забирает своего пациента. Квартира пустеет. Становится холодно в комнате и на душе. Машина скорой помощи скрывается за поворотом, и вдруг я вспоминаю, что вещи загадочного А.В. сохнут на моем балконе, да и золотые запонки так и лежат на полке в ванной. Он оставил их, нужно будет вернуть. Улыбка расцветает на моем лице. Мы еще встретимся. Моя жизнь уже никогда не войдет в прежнее русло, и волшебный юноша с темно-карим взглядом уехал не с пустыми руками, а забрал с собой мою душу.

Третий аккорд. Путь к свободе.

Доктор сажает меня в машину скорой помощи, дает отмашку водителю, и мы трогаемся с места, оставляя позади гостеприимный дом Дениса. На прощание я машу ему рукой, но он, кажется, не видит. Сотников пытается перекричать рев отечественной машины:

– Ну что, милый друг, скоро ты все узнаешь. Пришлось же нам попотеть, чтобы найти тебя. Кстати, меня зовут Виктор Петрович. Приятно познакомиться!

Я бросаю на него беглый взгляд и, не находя ничего интересного для себя, снова отворачиваюсь к окну, игнорируя знакомство. Он ведь все понимает, я чувствую это. Мне грустно. Мы уже отъехали на почтительное расстояние, и дом Дениса скрылся за поворотом. Началась однообразная картина – укрытый снегом темный лес и пустая дорога. Мы едем, иногда подпрыгивая на кочках, и я борюсь с желанием выпрыгнуть из скорой: туда, к человеку-солнцу, чтобы согрел своей доброй улыбкой, поддержал меня и прошептал: “Все будет хорошо, вот увидишь”. Но это не лучшая затея. Сначала я добуду информацию о том, кто я такой, а потом уже посмотрим.

– Приехали! – ворчит недовольный водитель, паркуя машину.

– Добро пожаловать. – зачитывает приговор Виктор Петрович Сотников. Я напрягаю тело. Примерно так я себе и представлял то место, куда меня привезли, имея в виду здание, обнесенное трехметровым забором и колючей проволокой. Миленко.

– Не волнуйся. Ты здесь ненадолго. Родные обязательно заберут тебя. Это вынужденная мера, потому что новейшее оборудование для обследования находится только здесь. Если же в течение недели никто не заявит о твоей пропаже, то мы переведем тебя в городскую больницу.

Ага, я охотно в это верю, как же. А ведь говорил, что заявит в полицию едва ли не сразу. Но первый раз за долгое время киваю в знак понимания слов доктора. Мне все равно.

Внутри больница еще ужаснее, чем снаружи: облупившиеся желтые стены коридоров, воздух наполнен ароматами подгоревшей каши и медикаментов – нашатыря и валерьянки. От стен отлетают стоны пациентов. Мои нервы на пределе, и, зажатый в тиски неприятной обстановкой, я шарахаюсь от проходящих мимо людей. Седовласый доктор Сотников, улыбаясь, машет пациенту, который примостился к выцветшей стене и отстраненно колупает на ней краску. Мне же он шепчет:

– А это наш долгожитель, мы зовем его Анатолий. Пять лет в больнице. У мужчины весьма загадочная форма амнезии. – многозначительная пауза. – Он не хочет вспоминать прошлое. Возомнил себя другим человеком, вытеснив реального. Его имя Андрей, и у него есть семья: мать, жена, двое детей, но он не хочет о них ничего слышать, предпочитая думать, что они умерли. Но ни в коем случае не зовите его по-настоящему имени, а то у него случится рецидив.

Доктор мне явно на что-то намекает. Может, я не хочу вспоминать прошлое по собственной воле? Рассеянным взглядом Анатолий смотрит в мою сторону. Бедолага. По телу бегут мурашки. Наверное, нельзя, застряв в психушке на пять лет, остаться нормальным. Я должен узнать о себе и свалить отсюда при первой возможности. Виктор аккуратно берет меня за руку и подводит к одной из дверей. Мерзкая бледно-розовая фанера не обещает, что за ней окажется нечто красивое.

– Вот и твоя палата. Положи вещи, и пойдем на обследование. Давай, живее! Ты же не хочешь застрять тут надолго?

О, планета Земля! Что такого сделал твой гость, что оказался здесь?

Мои вещи, то есть, вещи Дениса я кладу на железный стул-скелет и спешу за доктором, дабы ни секунды не оставаться наедине с мрачной палатой фильма ужасов, где догорают дер-

гающаяся лампочка на выкрашенном мелом потолке. На четвертом этаже молодой мужчина в бирюзовом халате встречает нас, громко и открыто зевая.

– Все готово? Соберитесь, пожалуйста. Не каждый день к нам такие гости являются. – произносит Сотников, показывая на меня. Надо же! Какие “такие гости”? Какой почет! И как скоро я смогу влезть в голову доктору и выяснить у него наедине все подробности?

– Аппарат и персонал уже готовы. – докладывает молодой доктор Сотникову, потягиваясь и вновь зевая.

В корпусе “4В” гораздо чище и комфортнее, чем там, где разместилась моя палата, но осмотреть обстановку подробнее мне не дают. Доктор Сотников хватает меня за руку и буквально оттаскивает в сторону.

– Пришли. – снова демонстративно зевая, произносит согласно бейджику “доктор Захаров”.

В глаза бросается странный агрегат: прозрачная капсула из стекла с множеством присосок, проводки от которых ведут к гигантскому компьютерному нагромождению. Блестящий, современный, этот аппарат для сканирования активности головного мозга не вписывается в старый обшарпанный интерьер остальной части лечебницы и выглядит словно пришелец среди людей. Меня просят раздеться до нижнего белья и лечь на металлическую кушетку. Я подчиняюсь. Гладкая поверхность неприятно холодит спину, но приходится терпеть. Чувство страха заставляет тело дрожать. Почему я медлю? Почему позволил себя уложить? Из-за чувства вины? А вдруг я действительно нечто плохое? Вдруг я опасен для людей? Мое сердце бьет меня изнутри легким током.

– Успокойтесь, пожалуйста, и дышите ровно. – просит Захаров.

Присоски к вискам, ко лбу и груди – меня облепляют со всех сторон, кушетку задвигают в капсулу. Я чувствую легкое покалывание в области мозга, белый луч скользит по моему лицу от подбородка до макушки. Неожиданно вспыхнувший яркий свет лишает зрения. В глазах щиплет, и мне хочется достать до них руками, чтобы справиться с болью, но это невозможно. Еще пара секунд – и меня вытаскивают из аппарата.

– Все хорошо. Полежи пока, приди в себя, успокойся. – произносит Захаров, а потом они с Сотниковым выходят из палаты.

“Да, это он!” – доносится восторженный голос Сотникова.

“Феноменально! Первый раз вижу настоящего...”

“Тише! – резко прерывает его чей-то незнакомый голос с сильным акцентом. – Мы вам платим не за восторженные вопли. Он наш. А свое вы получите, когда дело будет сделано до конца”.

Это ловушка. Захаров, значит, тоже в курсе того, кто я. Что ж. Тем лучше. Я пойду до конца.

Зрение пока не проясняется, но по шарканью ботинок я распознаю доктора Захарова. Он проводит по моей руке чем-то влажным, одним движением протыкает правое предплечье и впрыскивает какое-то лекарство.

– Все хорошо, расслабься. Это поможет тебе вспомнить свое прошлое. – он гладит мои волосы, затем отходит в сторону. В мгновение ока кровь послушно разносит жидкость по венам. Конечности перестают двигаться, делая меня беспомощным. Я пытаюсь предотвратить это распространение лекарства в крови, но уже не успеваю. Хочется спать. Меня поднимают над землей и опускают куда-то вниз. От резких движений мутит, тошнота подкатывает к горлу. Еще несколько секунд я пытаюсь бороться с недугом и выкарабкаться, но сон побеждает.

Резкая боль, от которой я вскакиваю с кровати, заставляет стонать и обхватывать голову руками. Вляпываюсь пальцами во что-то горячее и влажное. Кровь.

– Лекарство, живо! – кричит Сотников, хватая меня за руки. Кто-то давит на плечи, я падаю на колени, ощущая привычную слабость. Мне уже вкололи очередную дозу лекарства, и картина реальности вновь плывет в медленном танце.

...Видение настолько реальное, что я теряю голову. В многочисленной толпе зрителей, пришедших на мой концерт, из тысяч пар глаз вижу лишь одни: небесная синева и яркое солнце внутри, они манят мотылька на свет. Мой прекрасный посланник облаков подходит к сцене, протягивает руку, мы сцепляем пальцы и уходим прочь.

Встретимся ли с ней сегодня?

Закрывая глаза, вижу эту картину снова и снова. Меня переполняет любовь. "К виде-нию?" – кричит Хранитель. – Ты сошел с ума!" – но я не слушаю его, готовый веками ходить по земле в поисках ее небесных глаз и ежедневно мечтать встретиться, гореть желанием и каждую ночь разочарованно ложиться спать одному в надежде, что завтра она все-таки найдется. Моя далекая, любимая, неизвестная. Уверен – музыка объединит нас. Музыка души, голос ангела, этот шифр, который дано разгадать лишь ей. Вот моя мечта. И я пускаюсь по реке на маленьком плотике в поисках той, что вдохнула в легкие жизнь. Готовый отдать всего себя без остатка во имя Любви и Света. Выбираюсь из тени, чтобы превратить сон в реальность. Сердце стучит отбойным молотком, но я делаю шаг вперед.

Сегодня мой первый концерт, и я готовлюсь. Смешанность чувств – восторг, но вместе с ним неуверенность, волнение и страх. Сколь долго я готовился к важному событию: днем и ночью сочинял музыку, писал стихи, нервно перечеркивая строчки. Я готовился к встрече, я устал мечтать, хочу действий.

Одному Богу известно, как важно начать свой путь правильно, как важно не ошибиться. Он создал мир, каким я его вижу, но что было вначале? Пустота... Помню ее. Вернее, переживаю чьи-то воспоминания о ней. Она влажная, темная, холодная, а потом как яркая вспышка – новый мир, созданный из тягучей магмы. Окаменевший на поверхности, но сохранивший в своем сердце огонь.

Я начинаю свой путь с пустоты. Хочу выйти к зрителям и не разочаровать их. Сегодня в маленьком американском клубе Александру выпала возможность доказать, что все старания не зря, что время, потраченное на подготовку, не ушло впустую. Шаги не делаются просто так, каждый должен быть заранее просчитан и отмерен, за каждое крохотное движение к цели придется бороться, буквально вгрызаясь в шанс, как будто он последний. И сейчас я охотник за удачей.

Конечно, не стоит забывать про золотые булавки-запонки с курсивными инициалами «А.В.» – презент короля Англии Ричарда I. Я храню их как память о прошлом, как скорбь по ушедшему в историю красивому времени. По-моему, розовый и серый прекрасно гармонируют с белоснежной кожей и волосами цвета безлунной ночи.

Мир плывет в водовороте мыслей, рябь сильнее. И уже трудно остановиться. Делаю шаг в пустоту, во влажное серое облако, и мой коттедж исчезает, а через мгновение передо мной возникает какой-то знакомый город. И я понимаю, что хорошо быть не таким, как все.

Мне нелегко вновь привыкнуть к людям. За время нашего не общения они сильно изменились. Я боюсь сделать к ним шаг, но закрываю глаза и...

...От кончиков пальцев и дальше по телу бежит неприятная дрожь и странный холод. Головокружение, покалывание в руках, потом яркие белые вспышки снова и снова... Выдыхая, чтобы набрать в легкие свежий воздух и сказать что-нибудь зрителям, я вдруг понимаю, что не могу это сделать. Еще один шаг вперед, и я слишком поздно понимаю, что под ногами пустота. Неизбежно падая вниз, получаю сильный удар и порцию физической боли, от которой все расплывается в тумане, теряется и пропадает...

Первая отчетливая мысль: меня зовут Александр! Тогда почему мне снилось, что я должен убить Александра? Я хотел убить себя? Сколько времени прошло? Открываю глаза. Тишина. В одном шаге от моей жесткой кровати сидит доктор Захаров со шприцом в руке, готовый в любой момент сделать укол. Я тяну время. Пока нахожусь в сознании, накапливаю силы.

– Не шевелись, веди себя спокойно. Давай поговорим. Мне придется тебя усыпить, если ты будешь вести себя агрессивно. Однако, я могу тебе помочь. – произносит он.

“Тогда ответьте на мои вопросы”.

– Так вот как ты разговариваешь? Интересный способ.

“Другого пока не имею. Но обещаю. Я буду лежать тихо. Скажите мне только, кто я? Меня Александром зовут?”

– Знаешь, все очень сложно. Тут замешаны крупные деньги. За успешно проведенную операцию нашей больнице обещали финансирование.

“Откуда я? Что я здесь делаю?”

– Все. Кто-то идет! – за дверями действительно слышны шаги. – Прости, дорогой, тебе на земле вообще не стоило появляться, понимаешь меня?

“И вы меня простите!”

Доктор оказывается не готовым к тому, что я уже не привязан, и я ловко вырубая его с локтя. Теперь нужно действовать точно и быстро. Дотрагиваюсь до него и вбираю в себя его знания обо мне. Слышу отчетливо “аггел”, и болезненная дрожь бежит по моему телу. Так вот кто я? Вестник сатаны, падший, которому не нашлось места на Небесах. Теперь ясно, почему у меня нет крыльев.

Что ж. Погорюю чуть позже, а сейчас как можно скорее я должен покинуть это учреждение. Встаю с кровати и падаю на пол, не привыкший к странному тяжелому ощущению своего тела. Нарушение координации мешает мне подняться с кафельного пола. Цепляясь за мелованные стены, я все-таки поднимаюсь. С противным скрипом открывается мерзкая дверь в палату, доктор Сотников входит и тут же получает неожиданный подарок: железный стул приходится ему как раз к затылку. Беспомощно сползает по стене и перестает шевелиться его длинное тело. Я снимаю с Захарова халат, штаны и ботинки, переодеваюсь и выхожу в коридор. Пострадавшие поместились под противной больничной койкой, точно дыра между полом и кроватью предусмотрена как раз для такого случая.

Настраиваясь на спокойствие и стараясь не вызывать подозрений, но все же отчаянно быстро дыша, я иду к лифту и прислоняю карточку доктора Захарова. Хватит ли у меня сил на штат охранников, которые расположились на первом этаже? Ну же, падший, на что ты способен?

Адреналин в крови, стук в висках. Мир похож на компьютерную игру. Но это моя реальность сейчас, и нельзя медлить ни секунды.

– Стойте! Куда? – меня замечают. Теперь вперед!

Что есть мочи стартую с места, перепрыгивая через высокий турникет. Двадцать пять, двадцать, пятнадцать, десять метров. Стеклопанные двери. Семь, шесть, пять. Бегу, врезаюсь в тяжелые двери. Четыре метра, три, два. Спотыкаясь на ровном месте, я лечу головой вперед к выходу. Проклинаю все на свете, падаю почти в руки спохватившихся санитаров. Путь к свободе отрезан, загорожен, закрыт, мое тело беспомощно растянулось на полу. Меня поднимают и пытаются удержать, но резкий толчок дает шанс вырваться из плена. Теперь есть лишь один вариант – вверх по лестнице, а там что-нибудь придумаю. Бегу, перемахивая через три ступеньки – на втором этаже решетки на окнах. Я на третий – дверь закрыта. На четвертом работники бросают все и торопятся догнать прыткого пациента. Слух раздражает противный вой сирены, и коридоры тонут в огне красных ламп. Остается лишь последний этаж и надежда на то, что там есть чердак. Выбивая довольно крепким плечом дверь на крышу, я чуть не сшибаю гору вонючих матрасов, грубо сложенных стопкой. Подбегаю к краю. Внизу меня уже ждут. Крылья бы сейчас не помешали, но их отрезали. Вот уже слышу, как бегут люди.

Сердце бесится в груди. Молю, чтобы от меня отстали, но продолжаю наблюдать, как с каждой секундой мне отрезают путь к свободе. “Помогите мне”. – мелькает в голове тревожная мысль. Кто поможет? Такие же, как я, демоны? У меня только один выход. Вниз. И я не раздумываю долго – разбегаюсь и прыгаю. Я не дамся им. У меня есть шанс. Сейчас зима. Там, внизу – снежная шапка. Волею судьбы, которая, видимо, не желает отпускать меня, я быстро достигаю снежных сугробов и напарываюсь грудью на кусок трубы. Вот же черт! В голове еще крутятся какие-то мысли, а потом кто-то выключает свет, звук и чувства. Лежа на холодном окровавленном снегу, демон-неудачник Александр отключается, так и не вдохнув волю полной грудью. Вместо желанной свободы из той самой груди торчит кусок ржавой заостренной трубы.

Меня застали врасплох! Глаза бегают, руки дрожат. Знакомый мужчина подходит к раковине, и я чувствую опасность. Он с легкостью закручивает вентиль на кране, косясь на меня и, видимо, ожидая какое-либо объяснение. В полной растерянности я пыхчу к выходу и, как назло, сталкиваюсь с проклятой дверью. Глупо дергая ее не в ту сторону, неуклюже вылетаю из ванной.

– Я скоро вернусь. – как можно более жизнерадостно пою я, но внутри ощущаю, как нарастает беспокойство. Хватаясь за дурную голову, в которую не пришло ничего умнее этой глупой лжи, плетусь по коридору. Интуиция подсказывает мне, что после возвращения предстоит непростой разговор. Надо тянуть время...

...– Не каждый способен пробежать расстояние от Лос-Анджелеса до Сан-Франциско и ни разу не остановиться. – он спокоен. Мое сердце ускоряет ритм.

– Оттираться бесполезно? – в моем голосе звучат нотки сожаления и возможной надежды на отрицательный ответ, однако, мой товарищ не спешит сообщить радостную новость, что это всего лишь глупая шутка, невинный розыгрыш.

– Я думал, мы с тобой не будем ловить друг друга за руку, но раз уж попался – не стоит устраивать концерт, веди себя по-взрослому. Допустим, что все это просто цепь случайностей. Но, посмотри наверх, пожалуйста.

Как в замедленной съемке, мои глаза встречаются с направленной на меня едва заметной камерой слежения, и я все понимаю – влип по самые уши. А ведь раньше таких штук не было, и было совершенно прекрасно! Зачем люди обложили себя этой дрянью? Она ведь так усложняет мне жизнь.

– Все это останется между нами. Здесь ты дома. Ты свободен.

– Что?.. Свободен? Это шутка?..

А потом я чувствую боль. Много боли в правом боку, и я едва ее выношу, не в силах от нее куда-либо деться.

Четвертый аккорд. План побега.

Тишина и пустота угнетают меня все сильнее. Мысли о загадочном А.В. не дают покоя. Наверное, он уже вспомнил прошлое и нашел свою семью. Надеюсь на это. Внешне мой спасенный напоминает знаменитого актера с обложки глянцевого журнала, рекламирующего какой-нибудь дорогой парфюм. У него густые, хаотично растрепанные в творческом беспорядке черные волосы, белоснежная кожа, подтянутая фигура и проникновенный взгляд. Кажется, что он влюблен в весь мир, и в то же время он весь этот мир отвергает. Его глаза говорят: “Доверься мне”, – и тут же: “Остерегайся меня, я – твой ночной кошмар”.

Я увяз в собственных мыслях и уже не могу спокойно ходить на работу, встречаться с друзьями, жить привычной мне жизнью. Все перевернулось вверх дном. В этом человеке есть что-то, притягивающее меня к себе. Мне его не хватает.

О странной новогодней ночи я никому не рассказал: даже родные люди не поймут мой поступок. Помочь тому, у кого на спине написано “убийца”! Шутка ли. Да и что теперь со мной происходит? Мама с папой это увидят и обязательно спросят о моем состоянии, а я не смогу им объяснить. Что-то резко изменилось. Я ощущаю такую вселенскую тоску, словно у меня активировалось и вибрирует сердце, словно во мне проснулась чувствительность к жизни.

Вот уже почти два месяца я пытаюсь забыть его, но он снова вторгается в мои мысли, да еще история с этими старинными запонками не дает покоя. У ювелира чуть лупа из глаза не выпала, когда он захотел рассмотреть поближе интересную вещицу. Утерянные запонки короля Ричарда I, золото времен XII века! И это более чем странно, юноша, почему у вас на пиджаке красовались чужие старинные английские булавки, и что же все-таки означают выгравированные символы “А.В.”, если не имя? Уж не из-за них ли вы пострадали? Отбрасывая всякие плохие мысли, я пытаюсь жить дальше.

В тот день, когда впервые прозвучал крик о помощи, я выполнял поручение начальства. Все было хорошо, пока в мыслях не отразился далекий, полный отчаяния зов: “Помогите, пожалуйста”. На несколько секунд мне пришлось остановиться, чтобы переварить фразу и забыть о ней, как о чем-то случайном и непонятном, как о том, что для меня не предназначалось. Но потом до меня дошло.

“Помогите мне!” – кричат мысли с какой-то страшной силой. На секунду я вижу, как кто-то бросается с разбегу с крыши, и сам чуть не кидаюсь под машину. Меня в буквальном смысле выталкивает на оживленную дорогу, болит правый бок, задетый краем капота легковушки. Я сразу узнаю этот голос. Я узнал бы его из тысячи, и, честно, я очень ждал его. Ему нужна моя помощь. Бросая все дела, бегу домой.

“Думай, Денис, это важно!” – я пытаюсь привести свои мысли в порядок. Где-то на границе с отчаянием в голове зажигается яркая лампочка: “Доктор Сотников!” Нужно разыскать его и узнать о том, куда увезли моего друга.

– Алло! Скорая слушает. Диспетчер Мария.

– Девушка, здравствуйте! Мне очень нужна ваша помощь. Без вас никак не справиться. Нужно найти доктора Сотникова, он буквально спас вчера мне жизнь и скромно исчез. Я бы хотел поблагодарить его лично. Помогите, пожалуйста. Я человек настойчивый и все равно найду его, но если подскажите, где искать, то буду очень признателен.

И мне отвечают. Не сразу, но отвечают! Виктор Сотников – главный врач психиатрической лечебницы Курортного района. Что же он забыл с утра первого января у нас на Савушкина? Надеюсь, когда приеду туда, хоть что-то прояснится.

Отправляясь с работы, я кидаю в сумку необходимые в дорогу вещи, не забывая прихватить “стандартный джентльменский набор” – цветы, конфеты и вино. Час езды, и вот вдали красуется здание лечебницы. Психушка, конечно, имеет вид тюрьмы. На контрольно-пропускном пункте я “раскошеливаюсь” на цветы, чтобы мне помогли разыскать доктора Сотникова, который не сильно рад мне.

– Здравствуйте, уважаемый! – протягивает он. – Чем могу помочь?

– Я Денис Жуков. Здравствуйте, доктор. – протягиваю Сотникову руку. – Тот парень, которого я нашел на улице и которого вы забрали с Савушкина, я переживаю за него. Как он? Где он сейчас?

Сотников настораживается.

– Видите ли, Денис. Он тут у нас. Но чувствует себя паршиво. От полицейских никаких вестей не приходило, все глухо. И наш пациент так расстроился, что не смог спокойно это пережить. Мы пытаемся ему помочь. Недавно он напал на одного из моих сотрудников, доктора Захарова. Шутка ли? Очень буйный и своеобразный тип. Мы привезли его сюда на обследование, а он сломал нам дорогостоящее оборудование! Прямо не знаю, как с ним бороться. Сейчас он под действием успокоительного во избежание нового приступа.

– Ужас. Можно ли его увидеть? – я протягиваю доктору Сотникову вино и конфеты. Чувствую, что он лжет. Наблюдаю за его поведением.

– Боюсь, сейчас не самое подходящее время. Бедняга так и не смог заговорить, поэтому вы можете, конечно, на него посмотреть, но это очень неважное зрелище, лучше не расстраивайтесь и поезжайте домой.

– Пожалуйста! Я вас очень прошу. Мне правда станет легче, ведь я так волнуюсь за него. Всего на минутку. – я кладу в нагрудный карман доктора пятитысячную купюру. Он озирается по сторонам, затем приглашает меня пройти с ним к лифту.

– А почему его привезли сюда, а не в больницу?

– Здесь, несмотря на непрезентабельность, самое лучшее во всем городе оборудование для лечения.

– Никак не могу понять! Он ведь был нормальным, когда мы встретились.

– Послушайте! Психически неуравновешенные люди могут иногда сойти за нормальных. Мы провели обследование. У него явные нарушения головного мозга, между лобными долями происходит срастание, и ему будут делать серьезную операцию. Возможно, после этого он вспомнит, кто он и откуда.

В это время мы доходим до палаты №22, доктор открывает электронным ключом дверь, и я вижу своего доброго и смешного А.В. Сейчас он и впрямь похож на психа. Сидит на коленях в углу комнаты и сверлит взглядом батарею, даже не обращая внимания на происходящее вокруг. Сердце сжимается в комочек – никак не вяжется в голове образ полного энергии кареглазого молодого мужчины с этим зажатым пареньком, похожим на зомби. А какой у него замерший стальной взгляд.

– Будьте осторожны, он не любит посетителей. Давайте-ка мы повяжем ему смирительную рубашку, и тогда вы сможете зайти в палату.

– Зачем? Нет, прошу. Я знаю, что он не тронет меня.

– Ну, если что, кричите тогда. У вас 5 минут, я буду в соседней палате.

Сотников уходит, и мы с А.В. оказываемся в плену его тесной комнаты.

– Эй! Привет! Это я, Денис. Как ты, дружище?

Мне не страшно подходить к нему. Я опускаюсь на корточки и кладу руку на его плечо.

– Ты ведь звал меня? Я приехал.

Я вижу, что у А.В. перебинтованы руки и живот, и что сзади к шее у него прикреплен какой-то прибор. Что с ним сделали? Он оборачивается, пытаюсь что-то объяснить, но губы не шевелятся.

– Мысли. Помнишь, мы общались с тобой мыслями? Я не слышу тебя сейчас.

Он кладет руку мне на плечо и легонько толкает, мол, вали отсюда. Его глаза становятся злыми. Он повторяет свой жест, но уже сильнее.

– Понял, понял. Мне уйти, да? – я делаю шаг назад, вскидывая вверх ладони, чтобы показать, что я не опасен. – Я же за тобой приехал. Может, вместе мы бы смогли разгадать, кто ты.

И тут он резво толкает меня с такой силой, что я вылетаю в коридор через ломающуюся дверь, разрывая рубашку и царапая руку.

– Да что с тобой? – я кричу, потирая ушибленное место. – Не хочешь, не надо! Псих!

Все. Хватит с меня на сегодня геройства. Из соседней палаты на шум прибегает Сотников, а также из конца коридора несется бригада врачей. Хватают буйного пациента, укладывают на койку, приковывают к ней ремнями и делают укол. Его взгляд в мою сторону в этот момент. О, этот безумный взгляд! У меня аж все передергивает внутри. Я боюсь, что ему здесь будет только хуже.

– Юноша, я же предупреждал. Это опасный пациент. Так что всего хорошего, смотрины закончены. А у нас тут много работы. Еще дверь чинить.

– Скажите, пожалуйста. А можно его забрать к себе домой? Я о нем позабочусь.

– Однозначно, нет! – Сотников складывает руки замком. – Он нуждается в лечении.

– Но со мной он не был таким, со мной он...

– Повторюсь. Нет. Я же сказал! Вы ему даже не родственник. Так что – повидали спасенного, а теперь вам пора.

Меня трясет.

– Доктор! Я слышал, что вам для лечебницы нужно финансирование.

Кажется, я его бешу.

– Уважаемый Денис! Как бы вам помягче преподнести эту информацию. Ладно, скажу как есть. Хотите забрать пациента? Тогда оплатите стоимость оборудования, а после будьте любезны помочь семье доктора Захарова, они остались без кормильца на три месяца! Да, кстати, стоимость оборудования равна 10 миллионов долларов. Осилите? – в наглых глазах Сотникова нет ни капли жалости, только насмешка. Расстроенный и злой, я кидаю фразу: “До свидания, доктор”, – и направляюсь к лифту. Ничего себе, вот это оборудование тут держат!

Полный отчаяния, я покидаю пределы психушки. Бедный А.В.! Мне его очень жаль, но что могу поделать? Так незаметно проходит целая неделя, а я все хожу как на иголках. Этот бешеный взгляд не могу забыть. Словно пребывая под гипнозом, вновь собираю вещи, вновь завожу машину, направляясь в сторону лечебницы. Сотников расцветает при виде меня, ехидно улыбаясь:

– А! Здравствуйте, молодой человек! Чем обязан?

– Я хочу увидаться с... другом. – я мешкаю, произнося это слово.

– Он уже вам другом стал?

– Да.

– А его здесь больше нет.

– Как? Что случилось? – я ловлю испуг. В голову лезут мысли о чем угодно.

– Не переживайте так. Тут радоваться надо. За вашего друга. – Сотников делает акцент на последнем слове, явно посмеиваясь надо мной. – После вашего визита он пошел на поправку,

и мы его перевели в городскую больницу. И есть еще более радостные новости. Его коллеги из Лос-Анджелеса разыскивают юношу с внешностью как у вашего друга. Описание точно подходит.

– Прекрасно. Я очень рад за него. – без эмоций отвечаю я. Почему-то эта хорошая новость меня вовсе не радует. Внутри беспокойство. Что со мной? Я же должен быть счастлив! Эй? Денис! Ты обязан быть счастлив, что спасенный тобой человек поправился и что его кто-то ищет. Но что, если меня обманывают?

– Это все, молодой человек? Меня пациенты ждут, работа. – доктор Сотников вежливо ожидает, пока я переварю фразу, и когда до меня доходит-таки, я отвечаю:

– Простите. Я пойду, да. Очень, очень рад! Спасибо за чудесные новости.

– Это моя работа. – вздыхая, произносит доктор, удаляясь в сторону палат.

У стойки администрации я спрашиваю у сотрудницы, что случилось с пациентом, который находился в 22-й палате, но та отвечает, что не знает. Я молю ее проводить меня на второй этаж. “Нужно удостовериться, нужно увидеть самому, вдруг обманывают. Я хочу, чтобы меня сейчас обманывали”. Да что же за скверные мысли? В палате и правда никого: дверь настежь, комната прибрана. “Все? Удостоверился? А теперь вперед, к своей старой привычной жизни. Пора возвращаться в себя, Денис”. Утопая в мыслях и разговаривая сам с собой, я замечаю, что на меня туманным взглядом смотрит какой-то псих. Пальцем он подзывает к себе. Вдруг сейчас этот полоумный набросится на меня? Вдруг его болезнь заразна? Да что же это я? Он ведь человек, а не зверь. Тихонечко подкрадываюсь к мужчине, и тот, покачиваясь, сначала ерзает губами, потом говорит, еле-еле выдавливая из себя слова:

– Я знаю вас. Вы к парню из 22-й приходили. Я все здесь знаю.

Я отстраняюсь от психа, но он хватает меня за руку.

– Парень в большой беде! Я точно знаю. Я все видел. Я видел, что вы пришли помочь ему. От Толика они ничего не скроют.

– Толик. Куда его увезли, что с ним?

– Не увозили. Его держат наверху. И оттуда уже не возвращаются.

Мужчина все время жует слова. Трудно понять его речь, но я ловлю каждый шорох, пытаюсь услышать как можно больше.

– Им всем чего-то от него надо. А я вижу его, я знаю, что он хороший. Он светится.

Меня колотит. Мурашки бегут по телу. Все это похоже на дурной сон. Неужели я сейчас буду верить какому-то психу? Что вообще здесь происходит?

– Вчера я видел, как ему делали операцию на голову, ты должен поспешить, пока не стало поздно, пока он окончательно не потерял рассудок.

– Спасибо за помощь, Анатолий! Спасибо.

Достаю из кармана шоколадную конфету, даю Толику – она вызывает у него приступ детской радости. Вместе с оберткой мужчина пихает ее в рот и принимается жевать, причмокивая.

– Эй, почему вы отстали? Не приближайтесь к пациентам! – отчитывает меня строгая тетка, следящая за порядком на этаже, и я спешу удалиться.

Выхожу из лечебницы, понимая, что пришло время действовать.

Пятый аккорд. Спасение Александра.

За мою тихую и скромную жизнь я ни разу не крал людей. Да, ни разу. Вообще, многим ли приходилось рисковать собой, чтобы спасти человека, которого совсем не знаешь? У меня нет сомнений в том, что сегодня это должно произойти. Я ведь не разбираюсь в побегах. Посмотрев пару фильмов о том, как это делают профессионалы, прихожу к выводу, что все не так уж сложно. Главное – это план. Есть ли он у меня? Что-то я придумал, но полагаться буду на госпожу удачу.

Для меня создали миф, что А.В. перевели, что его кто-то разыскивает. Но зачем? Чтобы избавиться от моей навязчивости. Стоило ли верить психу? Вообще, с чего я взял, что врачи солгали? Здесь дело не в том, кто прав: здравомыслящие люди или же дурной пациент. Здесь дело во мне, потому как я нутром чую – меня обманули. И потому, собирая все необходимое для осуществления моего “гениального” плана, сажусь в машину. Чувство волнения опутывает тело. “Спасатели, вперед!” – кричу я фразу из любимого детского мультика “Чип и Дейл” и нажимаю на педаль газа. Может, стоит поменять профессию?

Заранее купив халат врача и надев его под куртку, захожу в здание лечебницы. Семь утра. Врачи, в том числе и Сотников, приходят на работу к восьми, и внутри лишь охранники да оставшиеся на дежурство сотрудники. Скачет давление и потеют ладони. Сжимаю кожаную ручку портфеля и делаю шаг вперед. Сотрудница у турникета тормозит меня. Представление начинается.

– Доброе утро. – приветствует она. – Простите, я не знаю, как вас зовут.

Я кашляю в руку, сосредотачиваясь.

– Доктор Иванов. Антон. – беглый взгляд на бейджик. – А я вот вас запомнил, Танечка. Вы сегодня чудесно выглядите.

– Что-то раньше я вас здесь не видела. – подозрительная девушка хмурит брови. – Почему вы без пропуска?

– Я недавно приехал, всего три дня назад. – я почти краснею от стыда, и тут мне на помощь приходит сама Татьяна. Кстати сказать, страшная как смерть.

– Точно! Вы же из Лос-Анджелеса? Я совсем забыла про наших гостей, простите. Однако, вы очень хорошо говорите по-русски, да и имя не американское.

Я чувствую, как наступает облегчение, когда мне протягивают белую карточку, без которой преодолеть высокие стеклянные турникеты можно только хорошенько разбежавшись. Я думал, что все будет сложнее.

– Когда-то давно я уехал учиться в Америку, да так там и остался. Предложили хорошие условия работы.

– Там, наверно, достойно платят, не то, что у нас. Неблагодарная работа. – Татьяна опускает ресницы.

– Не делайте поспешных выводов, мисс. В каждой работе есть свои недостатки. Там, у себя, мы работаем на износ, с нас буквально три шкуры дерут за эти деньги.

– У нас тут тоже не курорт. Да вы проходите, проходите.

Прикладываю карту к серой точке, двери открываются. Иду к лестнице.

– Антон, куда вы? Это вчера лифт не работал, а сегодня уже починили. Направо и два шага прямо. Вы сейчас к самому буйному? От него другие ключи. – она заливается смехом, когда я возвращаюсь к ней, красный как рак. – Будьте осторожны, хорошо?

Я понимаю, что комплименты обезглавливают девушек. Но пара охранников за ее спиной, которые практически спали, в это время напряглись и пристально меня сканируют.

Надеюсь, “самый буйный” это про А.В., иначе будет цирк.

– Антон, комната 86! – кричит девушка.

– Спасибо, я помню! – Господи, я ругаю себя за то, что не научился за 27 лет красть людей из больницы! Тупица, идиот! Ну ничего. Наконец, есть шанс попрактиковаться.

Ощущение, что я попал в зоопарк, возникает еще до выхода из кабины лифта: стуки, стоны и крики диких животных. Раньше мне казалось, что человек не может так вопить, теперь думаю иначе. Сжимая в руках ключи, шарахаюсь от каждой двери, словно нахожусь в вольере с овчарками. Кто-то бьет по стене, и сердце уходит в пятки. “Ужасы Петербурга собрались в прекрасной коллекции психиатрической лечебницы. Посетите, и вы не останетесь равнодушными”. – шутят мои мысли. Я замечаю, что комнаты не пронумерованы. Куда теперь? Тут скребут, здесь шаркают тапками, в этой плачут навзрыд. И только из одной не доносится ни звука. Робко подхожу к двери и прикладываю ключ-карту. Подходит.

Осторожно вхожу, готовый отразить атаку в любой момент. Но мой портфель выпадает из рук, со всех ног я бросаюсь к нему.

– Боже, что же с тобой сделали?

Полуголый, он лежит на полу, свернувшись калачиком. Лицо и руки бледные, как снег. Холоден и не шевелится. Нет пульса – не бьется сердце. Я уже хочу бежать за помощью, но его пальцы вдруг начинают дрожать, а потом появляется дыхание. Поднимаю друга, но мышцы слабые, видимо, от недостатка движения, и потому приходится брать инвалидное кресло, которое припарковано около кровати. Доставая из портфеля свитер с джинсами, надеваю их на беднягу, и мы выходим из комнаты. Вспоминая на ходу слова молитвы “Отче наш”, спускаюсь на грузовом лифте на первый. Татьяна, замечая меня, расцветает, но, опуская глаза на пациента, начинает верещать. Охранники куда-то вышли, рядом никого.

– Антон! Нельзя! С этого этажа приказано вообще никого не выпускать! Вы инструктаж проходили?

– Танечка, ему необходимо на свежий воздух! – я сложил ладони и взмолился уже не Богу, но Татьяне. – Он же бледный весь, задыхается там в палате. Вам его не жалко? Он человек, а не зверь. Пока никого нет из начальства, я обязан его вывезти. Он опасен? Да он пошевелиться не может! Его держат в палате без окон. Я прошу вас, Таня! Совсем немного.

– Ладно. Я тоже за него переживаю. Он такой симпатичный. Жалко его. – Татьяна глянула вокруг в поисках докторов, но пока не было ни души. – Антон, только недолго! Пока не приехал доктор Сотников. Десять минут, и это максимум! Вы поняли?

– Хорошо. Если возникнут проблемы, беру их на себя! А это вам. – я протягиваю девушке шоколадку. – Мы могли бы с вами вечером посидеть где-нибудь, если вы не против.

– Ах, эти американцы. Какой вы галантный. Я не против.

– Хорошо, спасибо, Танечка, вы мне очень помогли. – шепчу я, делая ноги к выходу. Словно герой. Беспрепятственно, мимо тупоголовых охранников.

Сердце колотится словно отбойный молоток, но мы выкатываемся на дорожку, огибающую здание лечебницы. Дорожка расчищена, и по ней легко перемещаться. Всего один кружок, и потом сразу же к машине. Всего один кружок. Главное, никого не встретить.

Сотников!!! Меня словно подстрелили! Таня машет мне рукой, чтобы я немедленно возвращался, но не тут-то было. Прячась за сугробами, жду, когда главный врач пройдет внутрь. Он подходит к медсестре и раздраженно тычет пальцем в мою сторону. Танечка, только не говори, только не говори, пожалуйста. Только не... Бегом!!! Поняв, что я краду пациента, Сотников срывается с места, быстро преодолевая расстояние между нами. Охранники бросаются на окружение. Срочно нужно что-то придумать. Чувствуя себя Гераклом, закидываю на плечо своего друга и буквально лечу к машине. Мне кажется, что мой “псих” должен быть потяже-

лее – сейчас он легкий словно пушинка. Подбегая к авто, закидываю парня на место пассажира, сам прыгаю на водительское сидение. Я специально оставил двигатель включенным, и потому, нажимая педаль газа, срываюсь с места. Машину слегка заносит, но мы выравниваемся и мчимся прочь со скоростью ветра. Выезжая на шоссе, немного прихожу в себя и нервно смеюсь. Все хорошо!

– У нас получилось!!! – кричу я от радости. А.В. потихоньку оживает. Он слаб, у него осунувшееся лицо и руки, но он шевелится, устраиваясь поудобнее. Дотронулся до него – весь холодный. Не сбавляя скорости, беру с заднего сиденья плед и укутываю товарища по самую шею. Пусть поспит. Через полчаса он резко открывает глаза. Кажется, его сейчас вырвет – он подается вперед к лобовому стеклу и зажимает рот рукой. Я останавливаю машину, вытаскиваю его наружу. Его рвет с кровью. Помогаю ему держаться на неокрепших ногах. Даю попить воды и помыться после экзекуции. Потом усаживаю друга назад в машину. Он плачет. Я успокаиваю его.

– Твоя семья пришла за тобой. Я пришел! Все хорошо. Теперь все хорошо.

Опуская голову, юноша рыдает, всхлипывая, словно ребенок. Я прижимаю А.В. к себе будто младшего брата.

– Все позади, ну чего ты? Не расстраивайся.

“Спасибо”. – произносит он в мыслях. Мы сидим, обнимаясь как старые друзья, которые не виделись лет десять, и мне так хорошо. Я замечаю, что на его шее под волосами все еще прикреплен тот странный прибор.

– Что у тебя за хрень сзади?

“Это уже давно надо вытащить. Сможешь?”

– Хм. Сейчас.

Беглый взгляд в зеркало заднего вида. Никого. Отковыриваю прибор, вижу, что проводки от него через маленькие переходники соединяются прямо с венами. Отсоединяю их, едва борясь с тошнотой. Нет, я не в силах вытерпеть. Выбегаю на улицу, прочищая желудок. Какая мерзость! Еще держу в руках эту дрянь с окровавленными проводами, думая, куда бы ее выбросить. Снова давлу рвотный рефлекс. Смотрю на шею друга – раны нет. Она куда-то исчезла. Только что вот была. А сейчас на ее месте бархатистая белая кожа.

– Ты киборг, блин, что ли?

– Не совсем. Но эта штука здорово портила мне жизнь. – взволнованный, порозовевший, полный энергии, абсолютно здоровый и сильный юноша, наконец, говорит со мной. Нет, это не он только что рыдал на моем плече, не справившись с чувствами. Нет, это не его я час назад вытащил из психушки. Это совсем другой человек, но все также излучающий свет, притягивающий к себе положительно-заряженными частицами. Улыбаясь произведенному эффекту, парень смотрит на меня, и чувство радости каким-то волшебным образом переходит ко мне.

– Привет, Денис! Меня зовут Александр. – свободно и легко произносит мой друг.

Прежде мне не приходилось слышать настолько красивого голоса. Словно в его речь вплелись нотки волшебного музыкального инструмента, где буквы – это аккорды, а фразы – мелодия. Словно так говорит со мной его душа.

– Привет, Александр!

Мы оба улыбаемся. Я нажимаю на газ, и машина трогается с места, унося двух авантюристов как можно дальше от лечебницы.

Куда мы держим путь? Да кто его знает. С ним мое чувство самосохранения куда-то испарилось, и потому автомобиль мчится по трассе, оставляя позади все наши проблемы.

Шестой аккорд. Вместе.

– Ты нарушил закон, Денис! Понимаешь всю серьезность? – Саша укоризненно смотрит на меня. Я улыбаюсь.

– Понимаю. Пошли бы они все к черту! Я как хотел, так и поступил.

– Да, и теперь нас будут искать. Где мы спрячемся? У тебя есть какой-нибудь план?

– Ну, в теории мы можем остановиться у меня на даче. Там есть дом с печным отоплением. Дрова есть, их достаточно. Закупиться едой на месяц и тихо посидеть, собирая информацию о тебе. Вместе легче.

– Вместе? – он рычит на повышенных тонах. – Ты себя слышишь? Какое “вместе”? Отличная парочка: сбежавший псих и его сообщник. Беги от меня, пока не поздно.

Он старается глубоко дышать и потихоньку успокаивается.

– Да, я твой должник. Благодарю тебя за спасение, но ты даже не представляешь, на что способны люди, которые препарировали мою голову. Они не пожалеют ни тебя, ни твоих родных. Мне очень жаль, что все так получилось, но я что-нибудь придумаю, и от вас отстанут. Вы им не нужны. Я разберусь с ними. Но тебе со мной нельзя. Останови машину добровольно, пожалуйста. – я не останавливаюсь. – Намек понял. Тогда ты узнаешь, на что еще способен твой загадочный пассажир.

Александр сверкает глазами от ярости, но я не торможу, а все двигаюсь вперед. Слышится скрежет – колеса клинит, и они перестают крутиться, скользя по проезжей части. Это он. Он останавливает мою машину. И да, он прав. Но что-то мешает мне отпустить его. Я думаю.

– Я же сказал! Остановись! Черт бы тебя побрал! Не смей перечить демону.

– Демону? Что ты несешь? – я как-то машинально бросаю эти слова. Внутри паника, я кричу. – Ты говоришь, что в долгу передо мной. Так верни мне этот долг прямо сейчас.

– Долг вернуть? И что ты хочешь?

Я сверлю зеркало заднего вида, чтобы вовремя заметить, если кто-то все-таки пустился в погоню, однако за нами нет вообще ни одной машины, и от этого еще больше напряжения. Почему они там затаились?

– Я давно живу скучной унылой жизнью. А тут такие приключения. Возьми меня в соучастники, пожалуйста. – я не смотрю на него, давая спокойно все обдумать, и на самом деле мне страшно.

– Ты серьезно?! Тебе башку что ли отшибло? Ты слышал, что я сказал? – Саша смотрит по сторонам, ища глазами, за что бы зацепиться. Наконец, спустя пару долгих секунд он произносит. – Что ж. Если это то, чего ты на самом деле желаешь. Да ладно? Неужели я это произношу? Будь по-твоему, Денис. Поедем вместе.

– Так говоришь, как будто сам не хочешь, чтобы я был с тобой. Неужели в твоей ситуации не нужны надежные друзья?

– Нужны, иначе бы я отказался. Но ты сейчас сам играешь в жертву. Если честно, я боюсь привязаться к тебе. Пойми, может произойти все, что угодно. Готов ли ты к опасностям? Готов ли всем рискнуть ради посланника тьмы?

Боже, ну какая тьма? Он сам себя видел? Он совсем не понимает, что говорит сейчас. Возможно, у него шок.

– Я уже всем рискнул, разве ты это не понял? Я всерьез готов рискнуть пойти за тобой, будь ты хоть самым дьяволом во плоти! Я хочу помочь тебе.

Угораздило же меня так влипнуть.

– То есть, тебя не волнует, кто я, ты просто хочешь быть героем? – его взгляд бежит в разные стороны. Он, вероятно, думает, что я должен сейчас выскочить из машины с криками ужаса. Но я не знаю почему, я верю, что он заблуждается насчет себя.

– Да, я буду рядом. Героически.

Несколько секунд каждый думает о своем. Я нарушаю тишину.

– Кстати, расскажи, что происходило в психушке? Почему они так тобой заинтересовались?

Саша печально вздыхает.

– Моя память по-прежнему похожа на чистый лист. Иногда обрывки чего-то далекого манят во сне, но я не знаю, стоит ли этому верить. Я знаю, что могу быть опасен. И знаю, что мной интересовались раньше. Мне вскрывали мозг, меня пытались перепрограммировать. Да что там со мной только не делали, это ужас. И когда ты приехал первый раз, я подумал, что ты идиот. Надо же туда сунуться, они ведь и тебя могли убить за любопытство. Ты хоть понимаешь это? Я выпихнул тебя, потому что нечего тебе там было делать. Так я показал Сотникову, что ты вне игры, что ты просто тупица, которого надо пожалеть и отпустить. Но ты все же глупее, чем я думал.

– Спасибо. Так себе комплимент тому, кто сегодня поставил свою жизнь на карту, чтобы спасти тебя. Я думаю, мы сейчас поедem к моим родителям, нужно предупредить их об опасности. Они будут переживать, если я пропаду надолго. А потом уже...

Я не договорил. Саша резко обрывает меня.

– Стоп! Нельзя появляться там, где тебя знают. Это слишком опасно. Понимаешь, если к ним приедут и спросят про нас, то они все расскажут. А если их начнут пытать? Если сообщат им о том, что ты связался с психом? Тогда все пропало.

А ведь он прав. Но я так хочу увидиться с родными. Кто знает, сколько мы будем в разлуке.

– Мы обязательно что-нибудь придумаем. Однако, я должен им сказать, пойми меня.

– Понимаю, конечно. Это ведь у меня никого нет, кого бы я помнил и кому хотел бы что-нибудь о себе сообщить. Хорошо, поехали, я посижу в машине и подожду тебя. Кстати, я не звал тебя на помощь, ты ошибся. Я звал каких-нибудь помощников сатаны, а приехал ты. Забавно вышло.

Я улыбаюсь – мой странный товарищ бредит. Он отворачивается к окну, разглядывая мелькающие березы и сосны, запорошенные снегом.

– Ты пойдешь со мной, и точка! Я хочу вас познакомить.

– В таком виде? Ну что ж. И откуда в тебе это желание мне помогать? Ты же меня совсем не боишься. Не побоялся пригласить в дом, не побоялся вытащить из психушки. Денис, я ведь тебе даже не родственник. Ты знаешь ответ?

Он задает очень трезвые вопросы. Действительно, что со мной стало? Я так рвусь навстречу, так переживаю за него. А кто он такой? Может, и правда, преступник, место которого в лечебнице или тюрьме. Нужно оставить его тут, пусть дальше идет своей дорогой. Но я уже слышу внутри себя то, что должен сказать ему:

– Не пытайся найти какой-то более рациональный ответ, это трудно. Наверное, в дружбе другой ответ не нужен. Я считаю, что так друзья и должны поступать.

Вновь тишина. Теперь ее нарушает Александр.

– Дружба! Ну надо же! Эврика! – восклицает он. – Кстати, по дружбе поделюсь с тобой. Я слышу все твои мысли. Можешь сейчас вспомнить последние пару фраз, что мучили тебя. Они самые верные. А вот этот ответ про дружбу какой-то неубедительный. Ты ведь это сам понимаешь.

Меня охватывает злоба. Этот гад бессовестно читает мои мысли, и даже те, что я думаю сейчас. Зачем ему это?

– Так я не специально. Я в принципе слышу мысли. Поэтому мне и нацепили эту штуку за шею. Чтобы я не мог ничего и никому сделать, чтоб никого не мог услышать. Они откуда-то

все обо мне знают. Все меры предосторожности соблюли. Но сейчас мне на них плевать. Куда более страшный вопрос для меня это знакомство с твоими родителями. Я бы хотел остаться в тени, но придется им показаться. Теперь я обязан защищать не только тебя, но и их, раз уж вы все стали жертвами общения со мной.

Он улыбается, очевидно, разряжая обстановку.

– Думаю, ты им понравишься, если не будешь такой язвой. Сначала домой заедем, соберем вещи, пока к нам туда не нагрянули.

– Еще не нагрянули, но уже скоро, да. Ты, кажется, вообще не понимаешь, что происходит и во что ты ввязался. Мне очень жаль, но до тебя не достучаться, и ты получишь свой урок.

– Хм...

Дома я возвращаю Саше его постиранные и выглаженные вещи. Он моется, причесывается и становится еще больше похожим на аристократа. И вот наступает время сбора вещей. Друг сосредоточенно бродит по комнате и отвлекает меня глупыми вопросами, абсолютно не зная, что пригодится ему на даче.

– А мы гитару и ноутбук с собой возьмем?

– Да! Обязательно!

– А шахматы?

– А ты умеешь играть? Если да, то возьми. Хотя, если что, я научу тебя.

– А...

– Блин! Бери все, что желаешь там видеть! Что найдешь и посчитаешь полезным – твое! – взрываюсь я, слыша очередной вопрос.

На его бледно-красных губах появляется улыбка. Потирая друг об друга ладони, он шепчет: “Ладно”.

– Все! Пора. Надевай мое пальто, едем к родителям.

– Хорошо. Спасибо тебе большое. Друг! Спасибо, что не бросил. Я, может, и груб иногда. И, как ты говоришь, язва, но это потому, что я волнуюсь за тебя. Ты ведь не пожалеешь потом, что решился на этот шаг? Да, я не справлюсь один, как бы ни старался сейчас сам выглядеть героем. Думаю, я погиб бы там на операционном столе без твоей помощи. – он с легкостью набрасывает на себя пальто, будто не сегодня лежал в палате, бледный как зомби.

– Да уж... Я сам в шоке. Но точно не смог бы тебя вот так отпустить, как тогда, 1 января. Тогда я совершил глупость, позвонив второй раз.

– Не скажи. Тогда в тебе заиграла вековая мудрость твоих предков. Во мне тоже сейчас борется здравый смысл и эгоистичное желание иметь настоящего друга. Что же победит?

– Выходи давай, эгоист. – я смеюсь, подталкивая Сашу в коридор.

Купив по дороге свежий торт, мы паркуем машину во дворе родителей и поднимаемся на восьмой этаж. Они живут не так далеко, но и не так близко, чтобы идти пешком, когда есть колеса. Улица Савушкина и Липовая аллея пересекают друг друга всего в нескольких километрах от моего 121-го дома.

Друг прижимается к стене, чтобы его не заметили.

– Привет. Ты чего без предупреждения? А я как раз пирогов напекла, мы к тебе собирались завтра. – мама встречает меня как всегда, самая красивая на свете, обнимает и за руку тащит в квартиру.

– Mam, подожди. Я не один. Это мой друг.

– Здравствуйте, Любовь Петровна, я – Александр. – отвешивая низкий поклон, Саша на полном серьезе галантен и учтив. А я даже не буду спрашивать его, откуда он знает имя и отчество моей, блин, мамы.

– Очень приятно. А вот мой муж, Петр Сергеевич, отец Дениса.

В коридор выходит глава семейства. И по строгому взору все понимают: прибыл командир отряда Жуковых.

– А я Марина! – выглядывает моя младшая сестренка. Окидывая нашего гостя любопытным взглядом, она находит его интересным и привлекательным. Еще бы. В стильном костюме с манжетами и накрахмаленным воротничком, в новом пальто, которое я еще не успел поносить, он сильно отличается от моей дутой куртки, серой спортивной кофты и голубых джинсов.

– Очень приятно с вами познакомиться. – нависшая тень смущения, наконец, рассеивается, и вот уже на лице друга играет та самая излучающая сияние и притягивающая взгляды улыбка, какую я видел.

Единственный, кто может противостоять натиску добрых глаз и ослепительно-красивой улыбки, это отец. Он прямо-таки напряжен. Кажется, ему мой друг не по душе. Он изучает его. Саша испытывает неловкость перед хозяином дома. Ловит взгляд отца, что-то шепча себе под нос, и, вот уж никак не ожидал от папы, но он сдается. Он сдается, протягивая руку, и мой друг с детской радостью и с большим облегчением спешит ее пожать.

“Тебя приняли”. – поздравляю я Сашу, радуясь за него не меньше, чем за сборную России по футболу в моменты, когда она выигрывает.

– Денис, а почему ты не рассказывал нам о Саше? Как давно вы дружите? – Марина как всегда задает много вопросов. С детства она такая болтушка.

Элегантный гость встает между нами, и с этих пор он занимает место интересного и активного собеседника, и на меня больше внимания не обращают, странным образом переключаясь на него. Нет, я не обижаюсь, конечно. Наверное. Однако, он занял мое место в моей же семье.

– Вы не поверите, насколько это интересно! Денис буквально спас мне жизнь. С тех самых пор мы и подружились. – Саша все говорит, и родители уходят за ним в гостиную почти хвостиком, оставляя меня одного в коридоре. – Так что это моя любимая тема.

Вот ведь болтун! А как ярко заливает. Я бы не смог лучше.

Первый раз я увидел, чтобы он притронулся к еде, и это оказывается довольно интересно: бесшумно размешать ложечкой чай и отложить ее не куда-то, а на блюдечко; есть десерт вилкой и не класть локти на стол; быть излишне аккуратным в каждом действии и просить прощения, если что-то не так – вот далеко не полный список манер, на которые присутствующие, конечно, обращают внимание. Александр со всеми этими манерами и своей бледной внешностью походит на какого-нибудь бессмертного графа Дракулу, если бы не задорный огонек в глазах и приятный румянец на гладких щеках. Хотя, вот откуда мне известно, как по-настоящему выглядит кровопийца? Появляется из ниоткуда, свежим ветром врывается в чужую жизнь, меняя ее. Завоевывает доверие и... убивает. У него даже намек нет на бородку или усы, и руки без единого волоска. И та надпись... А что-то в этом есть... демонического.

“Ну, я точно не вампир. Я кровь не люблю!” – неожиданно встречает Александр, и я роняю из рук кружку с чаем. Он бессовестно вторгается в чужие рассуждения. Меня это раздражает!

“А ты не мог бы не мешать мне думать мои мысли?” – мое шипение пугает его. Он осекается, но через пару секунд уже вновь сверкает как бриллиант, улыбаясь ярче прежнего.

“Да, прости. Я попробую, конечно, пропускать твои фразы мимо ушей, но не слышать их не могу. Тем более, они задевают меня. У тебя был выбор, и ты его сделал. Теперь тебя догоняют осознания?”

Оба замолкаем в своих внутренних диалогах, продолжая внешнюю беседу с родными. И тут Александр вновь застает меня врасплох.

“Пора говорить родителям о наших проблемах. Я уже вижу, как врываются в твою квартиру. Нужно принимать меры”.

Я предательски опускаю голову. У меня не хватит сил произнести, что с их сыном может случиться беда, не хватит смелости попрощаться.

“Я так и думал, Денис”.

– А мы ведь уже купили билеты в Лос-Анджелес, и завтра с утра из Москвы у нас отправляется самолет. – он смотрит на меня и мысленно просит поддержать хотя бы кивком. – Нужно сегодня еще доехать до аэропорта. Я покажу Денису свой родной город, погостим у меня.

– Как так? А почему заранее не предупредили? Это так неожиданно. Да и куда? За океан? Денис, я жду ответа! – мама вкладывает во взгляд строгость, хотя у нее это совсем не получается – за всю мою жизнь она ни разу не прикрикнула на нас с Маринкой, всегда находила правильные слова, чтобы мы поняли. Особенно это происходило, когда между нами случались драки “до первой крови” или до первых сестринских слез. Хотя, должен признать, коготки у нее и в детстве были острые как у кошки!

– Мам, понимаешь, все так спонтанно вышло. И вообще, я ведь уже не ребенок, чтобы отпрашиваться. Решили поехать и поедem.

– Но вы не переживайте! Это ненадолго. Я привезу вашего сына в целости и сохранности, буду приглядывать там за ним. Мы отлично проведем время.

“Денис, нам пора уходить. Я обещаю, что с ними все будет в порядке”.

Мы встаем из-за стола.

– Ну, пожалуй, вот и все.

– Уже уходите? Так скоро?

– У нас самолет. Нам нужно ехать, поймите. – словно прося прощения, Саша смотрит на маму и неожиданно для всех обнимает ее. Реакция меня поражает – мама не отталкивает моего друга, а прижимается еще крепче. И кто тут настоящий сын? Что вообще происходит?

– Любовь Петровна, очень рад с вами познакомиться. Не переживайте, я что-нибудь придумаю. Так случилось, понимаете? Мы подружились. Все будет хорошо!

– Берегите себя, дети. – шепчет она сквозь слезы.

– Петр Сергеевич, вас я тоже хочу обнять!

Отец, видимо, хочет сказать что-то в знак протеста, но Саша уже раскидывает длинные руки и подходит к нему. После объятий не узнать и папу. Всегда строгий, подозревающий все и всех, он не похож на себя. Эй, папа, ты с кем прощаешься? Ты вообще знаком с ним? Он же... Я сжимаю кулаки. Печаль и слезы в глазах родных, ком в горле. Маринка сама бросается Александру в объятия, и тот реагирует молниеносно, подпуская ее к себе и крепко прижимая. Я слышу, как бьется его сердце. Странное чувство.

– Прощайте, Мариночка. Может быть, еще увидимся, кто знает.

– Прощайте, Александр. – шепчет она, вытирая слезы.

– Эй, да мы же не на войну уходим, а смотреть достопримечательности Лос-Анджелеса! Чего вы расстроены? – а у самого кошки скребут на душе. Это же скользкая ложь, и буквально через час они узнают, что мы натворили. Их жизнь в опасности, как и наша.

– Тебе очень повезло встретить такого друга. – говорит сестра на прощание. Мы быстро выходим и бежим к машине. Мама бежит за нами с тарелкой, на которой лежит ее вкуснейший пирог и пара кусков торта. Но Саша вдруг садится на переднее сидение, хватая меня за рукав куртки и втаскивает в салон, крича: “Живо! За нами уже едут!”

То, что творится сейчас в душе, не передать словами. Автомобиль резко трогается с места, оставляя позади родительский дом, мой дом, мою улицу, мой район, мой город, унося нас вперед навстречу приключениям. Александр молчит, он напряжен. Темная трасса заметена снегом, трудно вести. Слезятся глаза – я расстроен. На миг поворачиваюсь к другу и вижу, что он, словно рентгеновский луч, смотрит внутрь меня. В них яркий огонь, и я слепну, ощущая

покорность. Все происходит быстро. Слово “прости” отражается в мыслях. На нас надвигается белый свет. Он все ближе и ближе. Клинит руль. Мы летим навстречу фуру – лоб в лоб. Жизнь предстает передо мной во всей красе за эти несколько секунд. Саша хватается меня за руку, мы вылетаем из машины, с треском разбивая лобовое стекло. Все исчезает. Нет ни деревьев, ни заснеженной дороги, ни машин, есть только ладонь друга, крепко сжимающая мое запястье. Осторожно открывая глаза, вижу странную картину: моя любимая Вольво S40, смятая в гармошку, охваченная пламенем, и фура, съехавшая задом в кювет.

– Нам надо было исчезнуть. – уже спокойно произносит Саша.

– Мы умерли? – шепчу я, не понимая толком, что происходит и почему ногти друга так болезненно впились в кожу – мне казалось, что после смерти человек перестает чувствовать.

– Считай, что да. Мы в коме. Ты понимаешь, Денис? Эй, ответь же! – он изучает меня взглядом. – Ничего, шок скоро пройдет. Мы в другой реальности. А та осталась позади. Нам пора.

Нас окутывает белый густой туман, и через секунду мы оказываемся у ворот какого-то дома.

Седьмой аккорд. Благородная ложь.

Да, этот человеческий детеныш еще не скоро отойдет и поймет, наконец, что мы остались живы. Мы в другой реальности. Странное чувство – доверять своей внутренней силе. Я ощущаю с одной стороны могущество и власть, а с другой осторожность и ответственность. А что, если бы не получилось? В вопросах использования силы таких сомнений лучше не допускать. И все же.

Я легонько тормошу друга, но, понимая, что все не так уж и хорошо, бью его в плечо.

– Больно. – бросает он.

– А мертвым не больно. Пойми, что все в порядке. Больше не надо бояться, теперь мы свободны и можем жить, не прячась по углам.

Он переводит взгляд с далекого горизонта на близкого меня. Губы друга шевелятся едва заметно.

– Ты нас спас?

– Да. – шепчу я также тихо, боясь нарушить приход друга в себя. Ему сейчас нельзя волноваться.

– Кто ты такой, черт возьми? – Денис напуган. Убирая мою руку, он отстраняется на несколько шагов. Конечно, таких как я он еще в жизни не видел, не встречал. Да я и сам мало что о себе знаю.

– Та-а-а-к! Я же тебя предупреждал много раз. Теперь, как вы, люди, говорите, поздно пить Боржоми! Процесс необратим! – и тут я отвожу тему с острой на более безопасную, а то ведь может и наброситься на меня. – Кстати, могу рассказать, как я нас переместил. Это очень интересно. В информации, полученной из доктора Захарова, говорится о некоторых моих особенностях. Представляешь, процесс перемещения подчиняется моему намерению. Тело состоит из молекул, и, распадаясь, они переносятся в желаемую точку, если достаточно сил. Взяв тебя за руку, я слился с тобой, и ты стал частью меня.

– Хватит! – вдруг кричит он. – А чего же ты из лечебницы самостоятельно не переместился? Чего реальность не поменял на более благоприятную? Я жизнью рисковал, а ты, оказывается, такой супермен.

Я не обижаюсь. Ему нужно выпустить пар.

– Так, герой по несчастью! Эта штуковина на моей шее заблокировала способности и оставила только рефлексy. Как только ты ее вынул из меня, я почувствовал поток энергии – это как горячая струйка по венам, как ток. Я про демона не шутил, тебе стоило слушать меня внимательнее. – мысли в голове друга предполагают, что он сейчас проснется лицом в салате 1 января 2006 года. Давлю приступ смеха и продолжаю. – Когда ты зашел в мою палату, помнишь? Задержав дыхание, я надеялся, что приступ удушья убьет меня. Раз не сделал вдох, два, три. Я не дышал минут десять. Умер ли я, Денис? Денис, почему я не умер? И я задышал лишь тогда, когда почувствовал надежду на спасение. Разве нормальный человек так смог бы?

– Ты чертов псих! Ты... Ты... Зачем я поехал за тобой? Почему бросил все ради тебя?

– Поздно причитать. Для всех ты в глубокой коме, пока мы туда не вернемся. Я дал твоим родителям клятву, что позабочусь о тебе, и теперь обязан ее сдержать. Если хочешь еще чего обидного высказать, то знай – я не против, я все выслушаю. А теперь пошли в дом, хочу отдохнуть.

– Странно.

– Что?

– Неужели демоны тоже отдыхают?

– Представь себе. Силы-то на исходе.

Я смеюсь, но Денис грубо толкает меня в снег. Я падаю, но успеваю схватить его так, что мы оба валимся на спины, утопая в сугробах. Он тоже хохочет.

Я создал новую реальность, исказив пространство. Не знаю, нарушил ли я какие-нибудь вселенские законы или нет, но люди теперь не должны нас искать. Тела перенеслись в другой мир, где Александра и Дениса до сего дня не существовало. Какие у этого последствия, не знаю. Мы заходим на территорию, где нас встречает небольшой, слегка кривоватый дом. Что успел создать за короткое время, в том жить и будем. Пожалуй, нужно заняться практиками и довести свои способности до совершенства, чтобы таких косяков не случилось. Надеюсь, внутри этого дома не все вверх дном. Не исключаю этой злой шутки.

Нет, внутри довольно мило. Какая-то у меня забавная фантазия – дом достаточно антикварен. Я словно воссоздал музейный экспонат. Ну что же, в нем уютно, тепло, а зимой это главное. И еще главное – в нем нам будет спокойно, даже есть площадка для тренировок. В одной из комнат мы находим массивный рояль, который, кстати, перекрывает путь на второй этаж к спальням. Неудачно. Да, пространство исказилось, это видно. Заключило. Денис в раздумьях отправляется на кухню, его шок еще не прошел. А я включаю музыкальный центр, возле которого стоит целая стопка разных дисков с зарубежной музыкой. Нахожу какую-то группу и включаю на всю громкость. Нравится!

– Выруби ты этих Депеней! По ушам бьет. – кричит Денис. Я убавляю. – Из еды в холодильнике только дохлая мышь, так что надо куда-то сходить за продуктами. Тут далеко магазины? Где мы вообще? Машины же у нас теперь нет.

– Дохлая мышь? Ну не, я не голоден в таком случае.

– А я голоден. Так что?

– Ну, есть же мышь. – я забавляюсь.

– Саша, давай серьезно. Я за один день потерял все. Ты понимаешь? А тебе смешно? Мы с тобой черти где, а ты забавляешься. – он злится. Взъерошенный, как воробей, он разводит руками, показывая всю степень своего недовольства.

– Ты прав, родной, понимаю. Я не виноват, что ты увязался за мной. Я не буду на себя вешать ответственность за твой героизм. А за продуктами мы ходим, когда мне станет лучше. Я очень хочу спать. Потерпишь?

Денис берет в руки мобильный телефон, но я тут же его предупреждаю.

– Нет-нет, дай сюда.

– Хочу посмотреть по навигатору, в какой мы дыре застряли.

– Нельзя, ясно? – мой стальной приказной тон, и он послушно протягивает мне аппарат. Я выключаю его, кладя в карман.

– Мы в другой реальности. Точка. Ты хочешь вызвать подозрения на свою семью? Откуда нам известно, кто заказал мое исследование Сотникову и сотоварищам? Кто за этим стоит?

Тишина. У него ответов нет, он вообще не понимает, что происходит. Тяжелым грузом я падаю на кровать, накидываю лежащие рядом с музыкальным центром наушники и на полную громкость включаю этих самых Депеней. Друг растворяется в пространстве комнат.

Не проходит и десяти минут, как он снова вбегает ко мне, держа наготове увесистые кулаки и что-то крича.

– погоди! – говорю я ему и тянусь к наушникам, но не успеваю даже поднять руку, как он срывает их с меня, ломая на две части и откидывая обломки в разные стороны. – Эй, наушники-то причем? Что случилось?

– Что случилось? Не в курсе, да?

– Сядь. Успокойся и расскажи, что стряслось. – дико сожалея о полюбившихся мне наушниках, в которых витал фантастически качественный звук, я стою над Денисом, контролируя его выпады.

– Иди сам, демон, посмотри. – он разворачивается и выбегает на улицу. Я выглядываю на кухню, где стоит маленький телевизор, и, наконец, понимаю причину столь бурной реакции.

“...Как сообщили ИТАР-ТАСС в пресс-службе Северо-Западного регионального центра МЧС, информация о ДТП поступила в Центр управления в кризисных ситуациях Ленинградской области в 18:34 по московскому времени. На трассе Скандинавия водитель IVECO не справился с управлением и выехал на встречную полосу, водитель Вольво не успел среагировать. Водитель и пассажир получили серьезные травмы и находятся в госпитале в крайне тяжелом состоянии, оба без сознания. За их жизнь сейчас борются врачи. А теперь о погоде...”

В испуге отмечаю тот факт, что новости в этой реальности такие же, как были бы там. Мы здесь вместо кого-то. Произошла такая же авария, и людей выбросило из этого мира в наш. Черт возьми, как же все это работает? Неужели теперь они заложники того мира, тогда как мы – этого? У Дениса нервный срыв. Выходя на крыльцо дома, я вижу траекторию его полета: сбегая по ступенькам, он споткнулся и пропахал лицом до ближайшего сугроба, да так там и остался. Лежа животом вниз и раскинув руки, мой друг кричит в снег. Ему нужно выплеснуть наружу негативные эмоции, и кто еще сможет в этом помочь, как не виновник торжества? Ох, и заварил ты кашу, Александр! Расхлебывай. Сооружая крупный снежок, я кидаю его около Дениса. Ноль внимания. Целясь, попадаю сначала по правой, а потом по левой руке. Пальцы начинают шевелиться, но лицо по-прежнему зарыто в сугроб. Последняя попытка: гладкий холодный шарик летит прямо в затылок и рассыпается на маленькие белые кусочки.

– Да что тебе надо, убийца?

– Понимаешь, так было нужно. Это глупо звучит сейчас. Я и сам не знал, что нарушил покой других людей. И мне также, как и тебе, сейчас очень грустно. Но, послушай меня, мне кажется, что кто-то хотел нас убить, что эта авария – не случайность, что за нами следили. Я почувствовал, что на нас несется фура, и в голове сформировался план, что можно сбежать оттуда в другую реальность. Эти реальности во Вселенной как паутина, бесчисленное множество дорог. Они как бесконечная игра с кучей уровней.

– Игра? Ты, сволочь, серьезно? Нужно было играючи разрушить мою жизнь и жизнь моих родителей? Нужно было уничтожить тех, кто тебе мешал? Ты убил людей ради своей выгоды?

– Пожалуйста, послушай. Можно я подойду? – я стараюсь быть аккуратным и вежливым, но необоснованные обвинения меня раздражают.

– Нет!

– Но ты можешь заболеть. Встань хотя бы.

– Уходи. Это не твое дело. Я все равно уже умер.

– В коме это тебе не умереть, ясно? Так что, чисто теоретически, все живы. А твоим родителям я передал информацию, которая им поможет. Я сказал, что мы пропадем и чтобы они не верили всему тому, что услышат о нас. Что с нами на самом деле все будет в порядке. Я ждал удобного момента, чтобы рассказать тебе, и вот приходится на голодный желудок, на холодном воздухе без верхней одежды сообщать тебе эти новости.

Шевеление. Он поднимает голову и поворачивается ко мне.

– Ты не врешь сейчас?

Его щеки мокрые от снега.

– Я и до этого тебе не врал. Родители гордятся тобой за то, что ты согласился помочь мне, что не бросил друга. Пожалуйста, прости. Это было эгоистично с моей стороны, но такой вот я. Лучше бы меня не существовало, да? Я тоже так думаю, но умереть не получилось. Я пробовал.

И если ты сейчас скажешь мне уйти, я пойму и исчезну из твоей жизни, я попробую что-нибудь сделать, чтобы ты вернулся назад. Хочешь этого? Скажи, что хочешь! – перехожу на крик.

– Нет! Не хочу. Я больше не злюсь. – он замирает на пару секунд. – Александр, подойди, пожалуйста, я тут кое-что нашел.

Улыбаясь, шагаю вперед. Как же все предсказуемо, даже не интересно. Ну он сейчас получит.

– С удовольствием, вот только...

Стоит мне приблизиться, как Денис наваливается на меня и пытается сбить с ног, за что я его немедленно наказываю. Хватаю за руки и скручиваю их за спиной.

– Ай, нехорошо, Денис Петрович. Не стоит со мной так. – я не успеваю договорить, уверенный на сто процентов, что ситуация под контролем, но мой приятель делает подножку, мы падаем в снег, кувыркаясь в нем словно ошалелые котята.

– Я тоже кое-что могу!

– Можешь, можешь. – улыбаюсь я, отпуская друга.

Напряжение спадает, и мы, мокрые и замерзшие, возвращаемся домой налаживать быт в кривом доме с огромным бесполезным роялем посреди коридора.

Восьмой аккорд. Во власти огня.

Поднялся бархатный занавес, и я прохожу к середине сцены, смиренно кланяюсь толпе, пряча от них глаза. Аккуратно отодвигаю табурет, чтобы, не дай Бог, колесики не заскрежес- тали по отполированным половицам. Кажется, стук моего сердца слышен и в конце зала. А люди ждут, когда мои руки коснутся клавиш. Я тяну время – волнуясь, боюсь дотронуться до инструмента. Потеют ладони. Чужие мысли врываются в незащищенное пространство моего тела. Этот ворох лишней информации, что мешает настроиться. Ведь я же знал, на что иду, высовываясь из теплой норки уютного дома, выставываясь напоказ. Что же теперь?

Хватит! Неуверенно провожу пальцами по клавишам. Они холодны, но от прикоснове- ния моих горячих рук теплеют. В глянцевої поверхности отражаются испуганные карие глаза и играющие огоньки в них – напоминание о начале новой жизни, о полноводной реке, по которой стремлюсь плыть, и о маленьком плотике, что так непрочен. Чувство легкости уносит меня в те края, куда я никогда не стремлюсь попасть. Прошлое не вовремя дает мне знать о себе. Голос погибшей возлюбленной шепчет на ушко: “Спасибо, милый”. В один миг рвется рана, что стала почти шрамом, но, не зажив до конца, заставляет вздрогнуть и проскользнуть по клавишам ярким басом. Сердце замирает в испуге. Что дальше? Зрители переглядываются между собой. Главное – не поворачиваться в их сторону. Придерживая боль, пытаюсь оста- вить ее на потом и еле слышно шепчу: “Спокойно, мой друг, все хорошо”. “Тук-тук-тук... Тук- тук-тук... Тук-тук-тук”. – вибрирует мой сердечный центр, заполняясь многовековой болью утрат. Вбирая в легкие воздух, снова пробую начать. Я знаю одно – мне надо выступить! Перед глазами картины прошлого, и, преодолевая тоску, заглядываю в будущее и выбираю для себя наиболее приемлемый путь.

“Хранитель, где ты? Я прошу о помощи”.

Хранитель, огромная ему благодарность, никогда не отказывает мне, даже не смотря на мое занудство и непокорность.

“Это всего лишь люди, это так просто. Закрой глаза, представь, что ты один в своем доме, и просто продолжай”.

Свобода бежит по телу вместе со свежим воздухом, и я втягиваю ее настолько, насколько хватает легких. Пальцы летают по клавишам, извлекая звуки, питающие верой в лучшее. В этой музыке все, что так давно хотелось сказать миру: переживания, столетний страх, предчувствие новой жизни и пьянящий восторг. Помещение переполняется нотами, аккорды разлетаются по залу, вновь и вновь проходя через людей возвращаются ко мне, но я посылаю публике новую чувственную волну. Вкладывая в музыку свою любовь, дарю ее людям, согреваю их сердца песней.

Букет нежных гербер летит на сцену. Я не поднимаю его, вновь садясь за рояль. Сейчас исполню для них любимую “Весеннюю капель”. Когда-нибудь придумаю для нее слова, но пока, наслаждаясь ароматом свежих цветов и каждым прикосновением к моему милому глянцево- му другу, играю мелодию. Улыбка не сходит с лица, пальцы с необычайной легкостью бегают по клавишам, имитируя капли дождя, что падают с крыши и разбиваются об асфальт. Люди замирают с напитками в руках, не в силах от восторга донести их до губ, ни единого шороха не тревожит слух. Кажется, что никого нет, все разошлись, но дыхание ветерком долетает до сцены. Тепло от людских сердец, согретых мелодией и голосом, тягучей магмой разлива- ется по телу. Я почти достигаю апофеоза! Струны горят от мощных финальных аккордов.

Всё! Аккуратно опускаю крышку, встаю из-за рояля. Голова немного кружится, стараюсь не смотреть в зал – страшно. У меня получилось, Боже!

Дарю в зал улыбку и поклон, и прекрасные кустовые розы летят прямо в руки. Я ловлю их. Это веселит меня. Чуть ли не бегом исчезаю прочь со сцены за кулисы, дрожа от эмоций.

Сны, как обрывки прошлой жизни, помогают собирать пазл моей личности. У меня есть хранитель? И где же он сейчас? “Хранитель, где ты? Я прошу о помощи”. Тишина в ответ. Сумерки окутывают пространство, и я пробую снова заснуть.

– Александр, Ты в порядке?

Тело дрожит, я пытаюсь отмахнуться от назойливого типа. Какое-то темное расплывчатое пятно тормозит меня, вызывая тошноту и протягивая ко мне свои длинные черные ветки. – Очнись же! Я прошу Тебя, очнись. Нужно идти.

Я не поддаюсь, не могу даже пошевелиться.

– Ладно. Я отправлю Тебя в безопасное место, слышишь?

Щелчок.

– Александр? Александр. Убийца. – бесцельно повторяют губы. Вновь щелчок – и низ живота горит, а потом еще и еще щелчки, обжигающие как острый перец. В голову тонкой струйкой вливается раскаленное масло, и, ощущая приятную невесомость, я поднимаюсь вверх, лечу вдаль. Тишина и покой, почти эйфория. Падаю вниз, тону в чем-то мягком и влажном, приятном и охлаждающем.

...Противный писк раздражает меня все сильнее, я сопротивляюсь ему, но борьба не длится долго – уставший думать, видеть, жить, сдаюсь, и в этом низкочастотном звуке тонет мое сознание.

Весь мокрый я вскакиваю с постели. Этот кошмарный сон дал мне знания о том, почему под Новый год я оказался выкинутым на улицу в снег. До сих пор ощущаю на теле обжигающие раны. Иду выпить воды и наблюдаю, как друг пытается сдвинуть куда-нибудь громоздкий инструмент. Нет, ну это совершенно никуда не годится.

– Стой! Не надо с ним так. – я встаю на защиту рояля. – Я буду на нем играть, не убирай.

– Эй, да он мешает здесь. Ни пройти, ни проехать. И вообще, неужели ты умеешь играть?

– Да, я вспомнил кое-что. – я даже немного смущен. – Мне кажется, что я раньше был музыкантом.

– Ого! Давай подумаем тогда, куда его можно переместить. Вдвоем приподнимем его. Или, может, ты такой крутой у нас и изменишь реальность, чтобы в доме появилось для него место и он туда сам как-нибудь перекатился без наших усилий? – Дэн шутит, намекая на мои сверхспособности.

– Нет, не буду я ничего менять. Я понял, что это опасно. Создавая бездумно что-то где-то, я нарушаю баланс, и по голове меня за это не погладят. Хуже некуда – иметь огромную силу и не контролировать ее. И, кстати, это вышло в прошлый раз в стрессовой ситуации, я был напуган. Оно словно само сработало тогда, я действительно не знаю, как этим пользоваться. Думать тут бесполезно, это вне размышлений, вне понимания, это словно темная материя, которой плевать на твои жалкие попытки насиловать мозг.

– Ладно, раз так, давай, супермен, ты с одной стороны, а я с другой. – Денис снова с усилием пытается сдвинуть рояль.

– Ну нет. Я, может, реальность менять и не стану, но суперменом при этом останусь. Смотри! – я подхожу к роялю и с легкостью приподнимаю стопоры на колесиках. – А вот теперь можно и двигать.

– И как я сам не догадался?

Рояль плавно катится в сторону камина словно корабль по волнам. Мы заводим его на ковер, я ставлю табурет, сажусь. Поднимаю крышку, ставлю пальцы на клавиши и пробую что-нибудь сыграть. Руки все помнят. Я начинаю с медленных переборов, Денис стоит рядом, восхищенный моей игрой. И вот музыкальные волны все ярче, все быстрее. Вспышка света. Поглощенный игрой, я ухожу куда-то в глубокий транс, где только мелодия. В мир образов, волшебства и сотворчества с космическим пространством...

...Огонь. Нет больше сил смотреть на охваченный пламенем дом. У предметов здесь есть душа, и сейчас она пытается докричаться до меня, хрипит и плачет, и рыдаю в этот миг вместе с ней... Больно так, будто горит мое тело вместо дорогих предметов интерьера.

Со второго этажа падает перегородка, едва не задев своего хозяина опаленной деревянной рукой. Мне пора... Я не желаю быть связанным, хочу быть свободным, не потому ли изгнан с Небес и отбываю наказание? Так почему же на земле нет покоя и каждая вещь стремится привязать к себе?

Мир дрожит, вздыхает ото сна и со своей неумолимой скоростью начинает бег. Вновь шумит река, залихватским хором поют птицы и шум магистрали проникает сквозь окна. Муха, застигнутая в полете надо мною, теперь отмерла и пытается выбраться из горящего дома на улицу. Я зажимаю беднягу в ладошке и, не обернувшись на прощание, чтобы не раниться еще сильнее, перемещаюсь в чужую для себя корпорацию, которая никогда не станет родной для такого необъяснимого существа. Насекомое, радуясь свободе и спасению, улетает через вентиляцию на улицу, где ему и место. А где теперь мое место?

Сажусь за глянцевый рояль, жалкую копию моего любимого незаменимого друга, опускаю пальцы на клавиши, и инструмент гремит басом, передавая все невысказанные чувства миру, что остановился лишь на мгновение и загудел с новой силой, не дав как следует прийти в себя. Через несколько минут я начну готовиться к выступлению, а пока в голове вертится вопрос и горький ответ на него:

– Больно ли вырвать с корнем сердце и возможно ли выжить после этого?..

..Я никогда не переступал черту, не заходил за грань зла, но именно сегодня и именно сейчас мне больше всего на свете хочется отомстить человечеству за все те унижения, за все те недопонимания и за все то безразличие к доброму и заключенному в плен собственных чувств существу. Из угла доносится бляение:

– Ты не сможешь уйти, у тебя никого нет, кроме нас. Мы – твоя семья, Александр.

Мужчина замолкает, и глаза застилает красная пелена – завеса огня. Я смеюсь, смотря на него.

– Ты считаешь, глупое пресмыкающееся, что мне кто-то нужен в этой жизни? У меня никого нет, но лишь потому, что я плевать хотел на вас и на ваши законы, по которым вы обязаны ползать по земле и даже не мечтать о полете. Вы мне противны до глубины души – злые, черствые, алчные. Была бы Моя воля, Я бы размазал по стенке каждого, Я БЫ УНИЧТОЖИЛ ЭТОТ МИР И НА ЕГО ОБЛОМКАХ ПОСТРОИЛ НОВЫЙ!

Кричу, и пламя в животе разгорается все сильнее, в воздухе запах гари. Мне горячо от своих слов. Ловлю зрением внутри мужчины прозрачный комочек величиной чуть меньше сердца – его душа, мысленно сжимаю его, заставляя ощущать жгучую боль и нехватку кислорода. Он хрипит от боли, опускается на корточки, обхватывая себя руками. Жалкое зрелище – некогда строящий грандиозные планы железный титан и этот мелкий зверек, корчащийся

на полу. Подхожу к нему вплотную и сажусь рядом, горячей рукой беру за подбородок и поднимаю голову. Он вырывается – объятые огнем пальцы обжигают плоть, но я не отпускаю.

– Неужели ты все еще думаешь, что способен управлять Мной в своих целях? Неужели ты думаешь, что кучка мерзких лживых ублюдков способна приручить Меня?

– Ты... разрушитель, – он хрипит кровью сквозь зажатые зубы. Я убираю руку и отворачиваюсь, остывая – мне противно от себя самого. Больно смотреть, когда кому-то больно. Больно видеть страдания, больно, больно, **БОЛЬНО!** Обжигая кого-то, обжигаю себя. У этого человека есть душа. Она черная от грязи, но она живая.

Я впадаю в отчаяние и глубокое раздумье. Кто-то шуршит за спиной – мужчина ощутил, что боль в груди отпустила его, и он спешно убегает из комнаты. Огонь исчезает, прячется в глубине моего тела и обещает впредь вести себя спокойно. Я плачу – мир красив, почему же мне так хочется его уничтожить?

– Ты... разрушитель! Что ты делаешь? А-а-а! Больно!

Я вздрагиваю. Резко открываю глаза – Денис в панике, он дрожит, держась за подбородок. Вокруг все охвачено огнем. Мои горячие пальцы обожгли друга. Черт возьми, кто же я такой? Я продолжаю ощущать боль каждой клеточкой. Свою боль, его боль, боль всего мира, который я люто ненавижу и отчаянно люблю. Видя, что мой друг напуган и что виной этому мое состояние, встаю и выбегаю из дома на улицу. Прочь от себя, от всех этих событий. Кричу, что есть мочи, пытаюсь вырвать эту боль из моего сердца, но она расползается ярче, словно раковая опухоль. Как же невыносимо жить! Опускаюсь на колени в снег, который тут же тает подо мной, ибо я сейчас слишком горячий. Слышу, как Денис тушит лестницу, вокруг запах гари. Огонь успел охватить висящие на окне шторы. Я откладываю свои переживания и бегу на помощь. Мы боремся с пожаром, а после в поте лица садимся на обгорелые ступени.

– Уфф... Да, Денис... Без шуток. Я огненный демон. Внутри меня магма. И мне так страшно оттого, что каждую секунду меня терзают сильные эмоции, от которых я схожу с ума и которые могут погубить мир. Злость, боль, ненависть, нежность, любовь! Я устаю просто жить, потому что для меня это совсем не просто!

– Что? Любовь?! К кому? – Денис удивляется, отряхивая джинсы от пепла и прикладывая лед к ожогу.

– Не важно. – нет, даю клятву, что он не узнает. Он не узнает, чего бы мне это не стоило. Черт, как же больно! Яркая вспышка рождается внутри меня и пускает в сердце шипы, их острота поражает мишень в самое яблочко, и я кричу. Денис встает с пола и подбегает ко мне.

– Да что с тобой? – его красивое веснушчатое лицо выражает сострадание и желание помочь, но мне лишь хочется сбежать куда-нибудь, раствориться, пропасть и зарыться в самом отдаленном уголке планеты.

– Денис, я переживаю, что ранил тебя, это ужасно. Я чуть дом не спалил, чуть мир не разрушил. Мы вот только обжились в новом доме, наладили быт. Со мной-то все в порядке. Сейчас пройдет. Но что? До следующего раза? Как мне жить на этой земле, если я так опасен?

– Я не знаю. Но я пообещал быть рядом. Пообещал помочь. – даже обожженный своим другом, он продолжает думать обо мне. Это невероятно. – Кстати, давно хочу рассказать тебе про твои запонки. Ювелир сказал, что они принадлежали королю Англии Ричарду Львиное Сердце. Представляешь? Двенадцатый век! История рассказывает, что он потерял их на одной из пирушек, но вот философия утверждает, что англичанин подарил эти булавки своему другу Алексу Аронскому фон Бейли и выгравировал для него эти инициалы в знак уважения.

– Знаменательно! И откуда у меня королевские запонки?

– А этот вопрос я оставил для тебя.

– Надеюсь, ты не думаешь, что я их откуда-нибудь украл?

– Думал сначала, но, узнав тебя получше, понимаю, что это неправда. У меня эти тайны уже поперек горла. Хоть одну бы раскрыть.

– Ты вот из любопытства мне помогаешь, а я со всем этим живу. Голова гудит от новых вопросов. – я замечаю, как друг снова кладет в тряпочку лед и прикладывает к своим ожогам в виде моих пальцев. – Подойди ко мне, пожалуйста.

Смотрю в глаза своему доброму рыжику, пострадавшему от моих действий. Мои ладони загораются на этот раз белым светом.

– Ничего не бойся. Я не причиню тебе боли.

– А я и не боюсь. – а сам дрожит как генератор во время работы.

Кладу ладони на раны друга, ощущаю жар и произношу: “Исцеляю”. Остальное происходит уже по моей воле, но без моего участия. Из моего сердечного центра поднимается тягучая магма и несется по рукам, а оттуда переходит в тело Дениса и заменяет информацию о больных клетках на здоровые. Его раны мгновенно заживают, он видит происходящее, и его глаза округляются. Он шокирован.

– Ну как?

Он идет в зеркалу в ванной и видит, что ран действительно больше нет.

– А разве демоны исцеляют?

– Я не знаю, Денис, что вообще делаю на земле и где мое место. Мне кажется, я словно неприкаянный, не нужен ни на небесах, ни под землей. Да и на земле ни для чего не гожусь. Как-то так. Ладно, я устал, пойду прилягу.

– А ты можешь мне вернуть мой телефон? Я хочу там кое-что посмотреть.

– Ладно, только без глупостей. Возьми его под крышкой рояля, он там. – я зеваю. Все эти магические штуки, оказывается, затрачивают много сил.

Девятый аккорд. Пространство вариантов.

– Ты готов?

– Почти. Выглядишь сногшибательно! – на белоснежном от грима лице появляется смиренная улыбка, а щеки, на которых алой краской нанесены округлые сердечки, багровеют еще сильнее.

– Спасибо. Идем! – девушка берет меня за руку и ведет на середину сцены. Минуту стою молча, начинается музыка. По сценарию девушка отталкивает меня, и с этого начинается наш танец любви и страсти.

Из динамиков льется голос партнерши, и я прижимаюсь к стене. Своей красотой и дерзостью девушка заставляет меня страдать, забывать о законах, из-за которых мне пришлось быть осторожным. Она манит, завораживает и пьянит. Нет больше сил держать эмоции. Еще чуть-чуть, и скромный ангел сдастся, околдованный демонической силой любви.

Я хочу ее всем своим существом, я больше не могу терпеть. Хватит!

Резким движением срываю с себя неудобный плащ, веками мешающий свободе. Под белой мантией на мне черные майка и трико, они выигрывшино обтягивают тело. На моей спине и плечах вытатуированы крылья. И больше нет скромности, и не будет никогда тишины, а лишь страсть и сила станут вечными спутниками. Мой голос теперь не дрогнет, а тело не затрясется в страхе перед неизвестностью. Лишь бесформенный плащ останется лежать на полу, символизируя мое падение в пустоту, в омут под названием “любовь”. Беру девушку-огонь за талию, вознося ее над землей и воспаряя в темноту, становясь черным рыцарем, кружась над обыденностью мира в страстном контемпорари, и горячим потоком лавы льются наши синхронные голоса, исполняя припев. Но я оступаю – и Мишель падает вниз. В последний момент удерживаю ее и опускаю на паркет.

Девушка зажимается в угол и со страхом смотрит в мои глаза, умоляя уйти, не подходить и тем более не прикасаться – я причинил ей боль. Но меня теперь нельзя потушить, теперь я – тьма. Наклоняюсь над жертвой, гипнотизирую ее голосом, околдовываю взглядом, опьяняю горячим дыханием. Рукой дотрагиваюсь до ее точеного подбородка и поглаживаю, едва касаясь устами маленьких красных губ. Мои пальцы сводят девушку с ума – она поддается, забывая о переполняющем тело страхе, ее голова тянется за моей, она жаждет поцелуя. Я беру свою добычу на руки, иду на середину площадки, мы кружимся. А после поем финальный припев: ритмично, энергично, забыв обо всем, словно обретая счастье и растворившись друг в друге, даря публике танец с элементами любви. А на последнем аккорде мои руки притягивают девушку-огонь к себе, я наклоняюсь и целую ее: безумно и горячо.

Я просыпаюсь от осознания, что я играл ангела, ставшего демоном в каком-то представлении. Я точно был артистом. Через сны в меня проникает информация, и мне хочется знать как можно больше. Я вновь закрываю глаза. Ворочаясь с боку на бок, лежу в своей спальне, слыша, как из соседней комнаты доносится мирное сопение моего друга. В доме продолжает пахнуть гарью, я и понимаю, что дальше так продолжаться не может. Выхожу на свежий воздух. Давай, Александр, покажи, на что ты способен!

“Александр, я хочу поговорить с тобой! Почему тебе хочется уничтожить этот мир? Что они тебе сделали плохого?” – задаю этот вопрос своей темной сущности, и она с неистойвой радостью вырывается на свободу. На мой зов откликается тягучая магма внутри меня, ее потоки устремляются к моим рукам и ногам, вырываются из сердца и макушки головы. Мое тело охватывает пламя. Пламя злости и ненависти к этому миру, ко всему человечеству за то, что отняли право быть тем, кто я есть.

“Потому что они ненавидят меня! Они не принимают меня и не подчиняются мне, как должны это делать по праву!”

“Никто тебе ничего не должен, демон!”

“Ошибаешься! Ты кое-чего не знаешь”.

“Так расскажи мне!”

“Нет, просто так ты эту информацию не получишь. Стань мной, выпусти меня на волю, и ты узнаешь”.

“Нет!”

Значит, мои сны это правда. Правда в том, что во мне живет какая-то темная тварь, которую я не могу контролировать.

“Меня заточили в тюрьму, мне не позволили проявиться! И потому этот мир должен быть уничтожен. Я хочу войны и крови, хочу смотреть, как корчатся от боли те, кто причинил мне столько страданий! Ты даже не представляешь, на что ты способен со мной!”

“Кто причинил тебе столько боли?”

“Ты знаешь их. Посмотри на небо и вспомни!” – он шипит эти слова как змея. Я понимаю его злость, она – часть меня. Так кто же я? Смотрю на небо, а там только луна и звезды. Небо ясное, отчетливо виден ковш Большой Медведицы. Во что бы то ни стало я решу эту загадку. Возвращаюсь в постель, закрывая глаза и погружаясь в слои реальности, где я могу добыть что-то еще о себе.

– Что с вами? Вы хорошо себя чувствуете?

– Да-да, все нормально. – в глазах темнеет. Слабость заставляет меня на ощупь спускаться по ступеням. Сажусь на стул, понемногу приходя в себя. – На сегодня я вас отпускаю. Все, бегом-бегом, свободны, можете расходиться.

Я очень надеялся остаться наедине со своим приступом, но какие-то ребята, лиц не разглядеть, окружают меня и засыпают вопросами. Теряя силы, улыбаюсь и что-то отвечаю. Ворох вопросов, после которых, выходя из актового зала, я падаю в обморок прямо в коридоре.

Не знаю, долго ли мое тело пролежало на холодном и скользком полу, но за время моего бесчувствия, видимо, никто не проходил мимо и не побеспокоился за меня. Пробудившись, ощущаю сильный жар – температура тела превышает человеческий предел и уверенно держится на отметке 65 – даже для моего организма это слишком. Хорошенько сварившийся в кипятке, дохожу до своего кабинета и ложусь отдохнуть, но поспать не удается – мне становится так холодно, что даже сводит зубы.

Я просыпаюсь от дикого холода. Весь дрожу. Заснул без одеяла или скинул его словно тот самый плащ во сне. Температура в доме минусовая, морозная. Набрасываю на себя одежду, спускаюсь на первый этаж. Оказывается, Денис решил проветрить дом от запаха гари. Что ж, это разумно. И вдруг слышу:

– Со мной все в порядке, говорю. Понимаете? Мама, папа, все хорошо, не волнуйтесь! Я жив.

Я злюсь, моя демоническая часть снова с отвратительной радостью выходит наружу.

– Положи трубку! – я не принимая ни единой попытки даже выслушать друга. – Немедленно!

Денис не подчиняется, и его телефон начинает трещать, точно сейчас взорвется. И правда, секунда – ба-бах! Немое молчание.

– Так-то лучше! – я спокойно закрываю дверь в дом и устремляюсь на кухню готовить завтрак. Демон ты или ангел, а есть все же этот земной организм требует. Слышу с улицы:

– Зачем ты это сделал?

– А ты зачем?

Стараюсь быть спокойным, выдыхая изо рта горячий пар. Беру стакан воды и выпиваю его залпом, туша внутреннее пламя. Еще стакан. Еще. Да чтоб тебя! Денис бьет меня сзади по плечу, но мне уже лучше, я не стану злиться. Хотя, кто знает, в состоянии огненной ненависти мне тоже классно, хоть и страшно это признавать.

– Теперь, милый друг, нам точно надо что-то делать. Ты! Не я, а ты своим родителям приговор подписал! Те, кто на меня охотится, они ведь знают, что я не фрик с “Битвы экстрасенсов”. Они прослушивали телефон твоих родных, ожидая, когда мы дадим о себе знать. Теперь ты изменил реальность, а не я! Ты! Своим глупым поступком! Хотя... – я ухожу в пространство вариантов, в котором неизбежно изменилась цепочка событий. Пространство вариантов выглядит как ткацкий станок, в котором нити, переплетаясь между собой, собирают полотно чьей-то судьбы. Нити тянутся отовсюду, в них прошлое и будущее. Еще оно похоже на 3D-гоночную трассу с перекрестками, где множество дорог соединяется в разных точках, а потом расходится также по разным маршрутам. Все определяет выбор. И я, словно искусная пряжа, могу соединять дороги, идущие как бы параллельно друг другу, где у каждой есть свой сценарий. И только в точке “здесь и сейчас” в определенной реальности можно сказать, какие варианты ждут впереди. Предугадать следующий шаг трудно тем, что реальность податлива и меняется с каждым принятым человеком решением. Я делаю выбор, и этот выбор взаимосвязан с выбором других людей, участвующих в проекции будущего.

– Что же нам делать?

Я в этот момент беру аппетитный бублик, принесенный из ближайшего супермаркета и запихиваю его в рот.

– Што-нибудь придумаем по пути, шобирайся!

– Обещай, что не пойдешь к Сотникову без меня. Что не натворишь глупостей!

Конечно, я уже все решил, и потому не говорю другу, чтобы его выбор сейчас ни на что не влиял. Он будет поставлен перед фактом. Если я возьму его с собой, то его смерть будет быстрой как секунда времени. Нет, рисковать я не буду, но, чтобы усыпить бдительность, обещаю. Это спасет ему жизнь.

– Эм... Обещаю. Без тебя не пойду.

Я предлагаю другу шагнуть в пустоту. Наш участок плывет перед глазами как в густом тумане, и вместо него возникает иная картина: улицы Санкт-Петербурга, Нева, где-то не так далеко – дом Дениса. По его грустному взгляду нетрудно догадаться, как сильно он хочет видеть родных, но пока это невозможно. Мне не удалось удержать его от необдуманных поступков. Нет родных – нет проблем. Но теперь это не мой случай. Теперь они – мое уязвимое место.

Десятый аккорд. Возвращение в ад.

С каждым днем я все больше осознаю – слово “человек” ко мне не относится: есть эмоции, дыхание, сердцебиение, внешность, но нет веры. Люди верят: в Бога, в чудо, в лучшее, людям это необходимо как воздух. А мне при желании и воздух не нужен. Бог, чудо и лучшее. В это нет веры. Я управляю своим телом, контролирую в нем каждое движение молекул, каждую капельку крови. Заставляю сердце стучать лишь тогда, когда в этом есть необходимость. Я управляю миром и диктую ему свои условия, и почему-то он поддается словно мягкий пластилин. Единственное, что мне неподвластно это демоническая, темная моя часть. Мы перенесли в нашу реальность, в Санкт-Петербург, уже не имеет смысла скрываться. Я отправляю Дениса домой, говоря, что сейчас приду следом за ним. Но нет, у меня другие планы. Мой путь – к Сотникову. Пора обезопасить жизнь тех людей, что стали мне дороги. Один шаг, и вот я уже стою на заметенной снегом лесной опушке, а из-за деревьев видно освещенное фонарями мрачное здание, обнесенное колючей проволокой и трехметровым забором.

Рассвет. Пора. Я смотрю на гигантское, поднимающееся ввысь солнце. Какое же оно красивое! Отливая разносторонними красками: желтым, красным, розовым, оно напоминает мне яркий золотой медальон. Его жизнеутверждающий, волшебный свет дарит людям надежду. Все смотрят на него, веруя в лучшее, протягивая озябшие руки вверх, к нему. Но я не чувствую тепла от небесного светила. Оно такое же далекое, как и мое прошлое. Хм, действительно пора. Сейчас 9 часов утра. Сотников уже приехал в больницу, где царит напряженная обстановка – все ждут от меня действий, они наготове. Медлить нельзя. Мой друг уже должен понять, что я его обманул. Если добрый доктор меня не убьет, то это сделает Денис! Впервые за этот час на моем лице появляется улыбка. Отряхивая плечи от снега, я делаю решительный шаг вперед, но торможу. Я чувствую внутри себя страх. Не могу прочесть, что приготовлено для меня. У меня есть доступ к мыслям доктора Сотникова, и они молчат. Его заблокировали, как меня тогда. Что ж, вооружусь удачей, ведь теперь я знаю больше, чем в прошлый раз.

Демон, убийца – вот определения, которые даю сам себе. Я могу не дышать так долго, что, наверное, обрасту пылью. Думаю, и еда для меня больше приносит удовольствие, чем дает силы. Все дело в качестве, в том, что содержится в воздухе и в еде, чем они наполнены. Так чем же я питаюсь на самом деле? Размышления на тему моего бытия приводят к единственному выводу: все, что делает меня схожим с людьми – человеческий облик.

– Александр, наш выход! – я даю команду внутреннему демону проснуться и взяться за свою любимую работу – разрушать. Пора разрушить эту чертову богадельню.

Моя белая кожа загорается ярким красно-фиолетовым огнем. Больше всего я сейчас желаю мести, самой кровавой и самой разрушительной. Солнце освещает с ног до головы, добавляя жару в полыхающее тело, распалая жажду расплаты. Ни шагу назад, демон.

– Здравствуйте, доктор!

Сотников стоит спиной ко мне, копошась с какими-то документами в шкафу.

– Доброе утро. – роняет он, не оборачиваясь. – Как дела?

– Отлично. А у вас, готов поспорить, проблемы!

Виктор Сотников не оставляет без внимания мою фразу, медленно и неуверенно поворачивается лицом и впивается в меня глазами.

– Бог ты мой! – вылетает из него. В кипящем состоянии вид у меня действительно то ли божественно прекрасный, то ли дьявольски пугающий. Но эффектный, согласен. Давлю приступ покорности, напрягая голову и не позволяя слабости пресмыкаться перед Творцом.

– Не угадали. Меня зовут Александр. Добровольно расскажете обо всем или вам помочь?

– Ах, Александр! А я тебя так ждал. Ты ведь не закончил лечение. Посмотри, что с тобой происходит. Ты не контролируешь себя. – нет, он не удивлен, что я навестил его. Он предупрежден, что я приду. И я с особой остротой наблюдаю за его действиями. – Ну что же, прекрасно, что ты сам явился к нам.

Он не волнуется, он смеется мне в лицо, и я теряюсь. Стою и смотрю на него, ожидая чего-то.

– Так тебе правда нужна? Хочешь, я скажу, но пожалеешь о том, что узнал ее. Она острее кинжала, мой мальчик. Правда убьет все лучшее в тебе. Не хуже меня тебе известно, что ты – лабораторная крыса, созданная с целью убивать. Мы оказали тебе услугу – ты забыл всю ту горечь, что накопилась за годы жизни. Воспоминания? Лови их: Питер Грейт, твой коллега из корпорации, где ты работал. Что с ним? Он убит. Расстрелян тобой в упор за то, что не покорился тебе. Оставлен гнить в подвале. После его смерти ты не постеснялся занять его место. Что же ты его так, а? Ты – кровожадный монстр! Не нравится? Мы пытались спасти тебя от тебя же самого, но ты, упрямец, который возомнил себя Создателем! Ты стал непокорным и жаждущим власти. Ты опасен для тех, к кому привязываешься. Семейство Жуковых еще не в курсе, кого они пригрели на своей груди. А если ты убьешь их? В тебе возобладает демон, и ты незамедлительно исполнишь его волю. Ты ведь ощущаешь порой неконтролируемую злость? Кто тобой руководит в этот момент?

Брошенные в лицо фразы словно клинки втыкаются в грудь, и я опускаюсь на колени, хватаясь за голову, в которую мощным потоком льется жестокая и болезненная информация.

– Что? Нет! Это не так! – кричу, закрывая лицо руками. А ведь это правда – горький и жгучий красный перец в паре с хреном васоби. Сколько снов, сколько событий, указывающих на то, что это именно так. Дрожащими губами я шепчу:

– Кто меня сделал таким?

– Ты сам себя таким сделал. Тебе мало было признания некоторых людей, ты захотел мировой славы, чтобы все покорилось тебе и стали твоими рабами.

В комнату врываются люди в масках.

– Осторожно, ребята, он может кусаться.

Как беспомощный котенок, который был слеп, но ему открыли глаза, сижу на корточках и не сопротивляюсь, пытаюсь переварить правду. Больше не хочу видеть! Видеть больно. Опускаю руки. Меня поднимают и тянут за собой. Но вдруг я слышу: “Не сдавайся, друг! Я с тобой!” Это Денис. Вдруг память кидает крупницу прошлого – меня зовут Аарон Бейли, и я нечто большее, чем демон во мне. Инициалы “А.Б.” на моих записках это мое имя. Алекс Аронский фон Бейли! А.Арон Бейли. Алекс сокращение от Александра! Я сократил свое имя. Всех этих людей не существовало тогда, а я был. Что-то здесь не так. Внутри меня все горит.

– Надо поговорить. – на глазах у растерянных санитаров я хватаю Сотникова за горло и перемещаюсь в лес.

– Ты сказал мне не всю правду, доктор! – произношу я, крепче сжимая горло.

Карие зрачки ищут защиты, но мы в лесу на той самой опушке, где я ожидал рассвета. Морщась от нехватки воздуха и беспомощно размахивая руками, Сотников хрипит:

– Ты – монстр, пытающийся выжить на земле. У тебя нет никого, кому ты был бы нужен. Все погибли от твоей руки.

– Я начинаю злиться, док. Ты ведь знаешь, я не контролирую своего монстра. И он уже подступает к горлу. – снова по телу разливается уже ставший мне знакомым и приятным жар, доставляя наслаждение и освобождая помыслы.

– Мне приказали не давать тебе очнуться, убрать часть твоего головного мозга, чтобы усмирить демона в тебе. Они хорошо заплатили. Сказали, что ты им очень дорог и они любят тебя.

– Кто?

– Люди из корпорации “МИР”. Отпусти меня, пожалуйста. Я больше ничего не знаю.

– Мое настоящее имя Аарон Бейли?

– Да. – доктор успевает прошептать заветное слово перед тем, как потерять сознание, и мои пальцы инстинктивно разжимаются. Он падает на колени и перестает шевелиться. Люди в черных костюмах и с масками на лицах приближаются к нам. Дело плохо – на моем теле сотня красных точек. Я – живая мишень.

– Вы окружены! Руки за голову! Не делайте глупостей.

– Стою. Дальше что?

– Руки за голову!

– А не боитесь? – я делаю всего лишь маленький шаг в сторону, но...

– Огонь!

Пули вонзаются в меня и оставляют на одежде многочисленные следы. Взмах руки – и метрах в ста от меня не остается ни души, как, впрочем, и деревьев с травой. Меня мутит, но я не могу себе позволить расслабиться.

– Так-то лучше, ребята!

Падаю на колени, судорожно пытаюсь излечиться. Не выходит, слишком много сил ушло на перемещения и переживания. Энергия поддержки, исходящая от Дениса ко мне, дает новый заряд, я наполняюсь. Я даю подойти к себе поближе и даже схватить за руки. но, улыбаясь, шепчу:

– Нам не по пути, мои хорошие! Адъес, амиго!

Отталкивая сотрудников, я исчезаю прямо у них на глазах.

Головокружение... Тошнит... Кажется, кровь сейчас хлынет прямо изо рта, но я стараюсь не обращать внимания. Есть еще одно дело, не менее важное, чем добыча информации. Нужно выдержать, нужно дотерпеть.

Срываю с петель пластиково-металлическую дверь в лечебницу. Прикасаясь пальцами к вискам, до посинения и боли в мышцах давлю на них и думаю только об одном: о тех, кто заперт внутри, кого держат насильно в этих мерзких нечеловеческих условиях. Замки подчиняются мыслям, и я спешу сообщить всем радостную новость: с этой минуты пациенты свободны.

Люди выходят на улицу и смотрят на меня, не осознавая своей свободы и находясь в состоянии шока. Этих бедолаг пичкали психотропными средствами, не давая им вспомнить, кто они такие, чтобы получать финансирование от государства и родственников. Отвратительное общество мерзких лживых людишек, за деньги забывших, что такое “человечность”. Я напому им о совести.

– Друзья! Пусть мой внешний вид вас не пугает. Со мной все хорошо. Я Аарон Бейли, и по воле случая мы оказались с вами в одном учреждении. Нас заперли здесь для исследований, а наших близких обманули! Уезжайте отсюда как можно быстрее, пока никого нет. Сейчас подъедет автобус, и вы разъедетесь по домам. Адреса я скажу. Ваши близкие должны узнать, что вы нормальные! Подавайте в суд на Сотникова, помогите раскрыть это преступление. Кто-нибудь из вас умеет водить машину?

– Я умел. Надеюсь, не забыл за столько лет.

– Толик! – я радуюсь. Нет, он не псих, он просто запутался, забыл, кто он есть. Он помог мне спастись, подсказал Денису, что меня держат на восьмом этаже. – Ах, если бы не ты, не знаю, что бы сейчас со мной было.

– Тебе спасибо, что спасаешь нас. Ты – особенный! Помни об этом. Ты не плохой, не думай так! – жамкает мужчина почти беззубым ртом. Зубы свои он потерял из-за нехватки витаминов.

– И все равно, спасибо. Андрей!

– Аарон...

Слыша свое настоящее имя, он будто пробуждается, вспоминает о том, что у него есть семья, ребенок. Я же, услышав свое имя, понимаю, что оно мне чуждо. Оно мне противно до глубины души, потому что я его не помню. Подъезжает автобус, и люди залезают в него, махая мне, отправляясь навстречу своим родным. Жалко, что у меня никого нет. Как же печально, как же давит на грудь тоска и усталость, но, преодолевая боль и тошноту, я вывожу обезумевший персонал госпиталя на улицу – у меня другие планы на их лечебницу. Поворачиваюсь лицом к зданию: страшные стены, колючая проволока напоминают время, когда был прикован наручниками к кровати, накачан успокоительным и не мог разговаривать. Злость расходится по телу кипящей лавой – ни секунды не сомневаясь, поднимаю руки вверх. Проклятый госпиталь исчезает в небытие.

Пустынно. Ни единой щепки, ни одного камушка не напоминает теперь о том, что здесь стояло мрачное здание. Вот и все, Аарон Бейли. Вот и вся правда. Вы – мошенник, обманщик и убийца. Чувствуете жжение в области сердца? Нет, это не залечится, не пройдет. Это теперь навсегда.

Одиннадцатый аккорд. Тяжесть семейных уз.

Я мечусь по комнате, пытаюсь успокоить нервы. Он обманул меня! Он не имеет право поступать так со мной, со своим другом! Я все могу понять, но не это. Ведь обещал же! Неужели для него ничего не стоит нарушить обещание? Ну только появившись, получишь удар по печени – ты заслужил его за то, что заставил переживать.

В окна бьет голубоватый луч света – он вернулся! Сердце в груди трепещет от радости, я выбегаю из дома.

– Ах ты, обманщик! Я знаю, что ты поехал к Сотникову без меня!

– Ну ты же видишь теперь, почему? – хрипит он, откашливаясь и вытирая кровь со рта.

У меня нет слов. Мрачная картинка: в продырявленной рубашке, на которой слишком мало белого, одно сплошное кровавое пятно, с многочисленными ранениями стоит мой друг, прислоняясь спиной к дереву и держась руками за живот.

– Вот же черт!

– Только не бей, не сейчас, у меня все тело болит. Потом, ладно? Все хорошо... Не волнуйся за меня. Сейчас раны заживут, просто сил мало... Не переживай, пожалуйста, и не злись. Ай, блин, меня словно через мясорубку пропустили. Как же мне гадко.

Забывая о том, что хотел сказать, я подбегаю к нему. Густая алая кровь капает на пол. Мой друг еле держится на ногах. Он улыбается своей обезоруживающей улыбкой и теряет сознание. Падает. Я успеваю поймать его, аккуратно кладу на ковер и бегу за лекарствами, чтобы промыть раны. “Пожалуйста, живи! Пожалуйста. Ты мне так дорог. Я... Черт, кажется, я так люблю тебя, мой друг!”

Спустя несколько часов Александр приходит в себя. Стонет, просит пить.

– Сколько времени прошло?

Я прижимаю его к себе, и мне кажется, что нет на свете ничего прекраснее, чем то, что он вернулся. Раны заживали дольше обычного, но затянулись все равно. Он необыкновенный.

– Саша! Я тут весь извелся!

– Что, хотелось быть на моем месте? Ты бы выжил? Они стреляли по мне, даже не моргнув глазом! Понимаешь?

– Понимаю. Прости. Я просто очень за тебя волновался.

– Кстати, меня зовут Аарон Бейли. Сокращение от полного имени. А так меня зовут Алекс Аронский... Ф... Фон... Бейли. Александр Аронский, то есть. Nice to meet you, my dear friend.

– погоди. Так за запонках твое имя?

– Стало быть, мое. Ужасно, да? Я просто ходячая мумия из двенадцатого века. А, может, и не из двенадцатого, а даже раньше. Я даже помню, как зародилась Земля.

– Ну это уж совсем невозможно! – нет, я не верю ему. – Еще что-нибудь удалось узнать, кроме имени?

Параллельно разговору я ухаживаю за другом. Аарон просит налить ему молока, он очень любит молоко с украинскими бубликами или пряниками. Подносит кружку к губам, но не отпивает.

– Ну, Сотников оказался не больно разговорчив, а потом и вообще сознание потерял. Тут моя вина, конечно, я был груб. Но имя фирмы он назвал. “МИР”. Очень мирно с их стороны, не так ли? Говорит, они действовали мне во благо, пытаюсь подавить монстра во мне.

– Расскажи все, что там было, раз уж меня с собой не взял.

– Припертый к стенке, доктор выложил все, что знал обо мне, но доблестная команда во главе с охраной ждала моего прихода. Только представь себе: стоим мы с Виктором в лесу, я держу его за горло, а на меня направлена добрая сотня красных лазерных точек. Конечно, мой

длинный язык не смог удержаться, чтобы не съязвить, и за это вот, полюбуйся! Простреленная и окровавленная одежда! – Аарон улыбается, сжимая кружку в руке и жестикулируя, и я радуюсь, видя, как он оживает и с восторгом рассказывает о своем визите во вражеское логово. – Даже не знаю, что с собой делать.

Я беру с кухни пачку шоколадных пряников, которые Аарону очень нравятся, протягиваю ему, и он, жуя и жестикулируя, продолжает красочно описывать произошедшие между ним и врагами военные действия.

– И вот тут, – продолжает он, – наступает самое интересное! Видел бы ты их лица, когда здание просто исчезло с лица земли! Мне показалось, что оно загоразивало превосходнейший вид на лесную полянку. В общем, бывшие пациенты разъехались по домам, и теперь все в порядке, теперь можно и остановиться.

– Остановиться? Не понял. – я перевариваю в голове услышанное. – Но мы так близки к разгадке! Аарон. Ты что же, боишься своего прошлого?

– Денис! – он прям мрачнеет. Видно, что я попал в яблочко. – По словам Сотникова, я сам создал в себе монстра, чтобы убивать. Каково это узнать? Что же будет дальше?

– Я чувствую, что все будет хорошо, вот увидишь. Поверь мне, мы так и останемся лучшими друзьями, что бы ни случилось и что бы мы ни узнали о тебе.

– Что? Ты, черт тебя дери, хотя бы выслушай! Я опасен. Понимаешь? Я могу убить и тебя, и твою семью. Ну вспомни, я дом чуть не спалил, твое лицо покалечил, я коллегу своего убил и занял его место!

– Вот поэтому нас не оставят в покое, пока ты не найдешь прошлое! Аарон Бейли, ты обязан узнать правду. Вдруг это все обман?

Он закусывает нижнюю губу так, что из нее идет кровь. Вспоминается, как этот парень исцелил мои ожоги, как оставил меня здесь, в безопасности, а сам отправился в психушку. Он оставил в живых Виктора Сотникова, хотя за столь гнусное обращение я бы и сам не прочь этому гаду открутить башку.

– Сотников сказал мне, когда я приезжал тебя навестить, что коллеги из Лос-Анджелеса ищут тебя. Это, наверное, и есть корпорация “МИР”. Думаю, ответы найдутся там.

– Коллеги из Лос-Анджелеса? Точно! Хороши коллеги. И зачем я им нужен? – пауза. – А вам я зачем? Вам от меня что надо?

– Потому что мы тебя любим. – я даже не думаю над ответом. Мне все очевидно.

– Это да. Но зачем? Зачем вы меня любите?

Все это клево – все эти геройские истории про спасение людей из психушки, но мой друг явно заблуждается на свой счет. Кому выгодно, чтобы он был убийцей? Мы замолчали после его вопроса о любви и просто бредем, куда несут ноги. Молча. Аарон ушел в себя, вернется не скоро. Я предлагаю ему навестить моих родителей, и он, к моему удивлению, соглашается. Но я вижу, как тяжело ему туда идти. И он не делится, почему.

– Кто там?

– Свои!

– Ребята! – мама кричит из-за закрытой двери, быстро щелкая замками и выбегая нам навстречу. Родители кидаются мне на шею, и я тоже не выдерживаю напряжения, смахивая текущие слезы. Наблюдающий за трогательной встречей из-за угла Аарон, как обычно, жметя у входной двери. Он ощущает себя чужаком.

– Сынок, ну иди сюда. Чего ты там стоишь? – зовет его отец и обнимает также крепко, как и меня. – Опять вы без предупреждения. Саша, спасибо, что не обманул.

Мама тоже обнимает Аарона в знак того, что его здесь тоже очень ждали, его тоже здесь очень любят. Он мне не солгал. На гладком юном лице сияет улыбка.

– У нас получилось... – шепчет он, закрывая от удовольствия глаза – тепло родных объятий не заменить ничем. Но этот мрачный взгляд в сторону после объятий.

“Что ты задумал?” – спрашиваю я у него.

“То, что должен, чтобы обезопасить вас. Усмири своих родных, мне не нужна их любовь и обнимашки. Они раздражают меня”.

“Да что с тобой? Они тебе рады! Тебе!”

“И еще – я им не сынок. Я старше вас всех вместе взятых. Какой к черту сынок?”

“Аарон! Прекрати вести себя по-свински! Иначе я...”

“Иначе не могу, прости. Я и так позволил вам подойти ко мне слишком близко. Слишком!”

Как же приятно дома: мама занята обедом, отец что-то чинит в своей комнате, сестра болтает с другом. Последний внутренний диалог создает между мной и Аароном видимое напряжение. Друга, чтобы не маячил с кислой мордой, отправили по делам в супермаркет, а мы садимся в гостиной обсуждать, чем же его порадовать.

– А когда у него день рождения?

– Не знаю. – я жую пирог с малиновым джемом, который мать наскоро приготовила в духовке, нервно запивая его чаем. – Ну правда.

– А давайте устроим ему настоящий праздник! – шепчет Маринка. – Уж что-что, а день рождения должен быть у каждого. Не важно, в какой день, важно, что мы любим его.

– Здорово! Так и сделаем. – маме нравится эта идея.

Аарон входит в квартиру, сжимая в руках пару бумажных пакетов. Пока мы болтали, он купил все продукты по списку.

– Я все принес! – он закидывает продукты на кухню и заходит в комнату. Маринка нарушает молчание, создавшееся после прихода друга.

– А мы тебя ждем. У нас для тебя сюрприз.

– Правда? Забавно. У меня для вас тоже. – его появившаяся на мгновение улыбка стирается с лица, он мрачнеет настолько, что я пугаюсь. Мама с папой тоже обращают на это внимание.

– Тогда мы первые! Надо же тебя порадовать. Мам, доставай подарок.

Мама подходит к Аарону и протягивает ему маленькую квадратную коробочку. Внутри – серебряный ангел с бриллиантовым сердцем. Кулон на цепочке.

– Это в честь чего? – Аарон достает кулон, вертит в руке, словно капризный малыш, который хотел что-то другое. Ему не нравится.

– Мы не знаем, когда у тебя день рождения. Но мы решили, что можем отметить этот день сегодня. – Марина очень жизнерадостно улыбается, подходя к Аарону и застегивая замок цепочки за его шей. Он не очень-то доволен. Она достает Polaroid, мы все встаем рядом.

– Сыыыыр!

Фотокарточка выходит из аппарата, Марина дает ее Аарону.

– На память!

Друг отстраняется от нас.

– С чего вы, ребята, решили, что надо отмечать мой день рождения неизвестно когда? И что мне нужна память о вас?

Нет, он невыносим сегодня. Его будто подменили. Он всегда был так добр и учтив с родителями, излишне говорлив и счастлив, а теперь язвит в каждой фразе.

“Аарон. Ты пугаешь меня”.

“А ты думал, что я буду радоваться, находясь здесь? Ты ошибся. Я не слуга вам – по магазинам ходить! И день рождения у меня не сегодня”.

Я замечаю, что его добрые глаза больше не блестят. Искра в них окончательно потухла. Зрачки укрупнились и потемнели, как у хищника.

“Да что с тобой, друг?”

– Оставьте меня! Это приказ! – холодный, стальной как ножи голос, от которого я вскакиваю, и меня словно отбрасывает на пару метров – грозный рык эхом продолжает звенеть в ушах. – И не трогайте меня, ясно? Мне противно, мне тяжело среди вас. Вы слишком приторные, слишком добрые. Вы видите во мне ангела? Да идите вы к черту! Нет, к дьяволу! Вы на самом деле не представляете, сколь я гадов и безжалостен! А вы видите мир в своих розовых очках! Очнитесь и посмотрите, кто перед вами!

Эти слова он говорит не в мыслях, он произносит их при всех. Встает и уходит в спальню.

Двенадцатый аккорд. Огненный ангел с холодным сердцем.

Решение принято, мистер Бейли. Или как вас там... Выкладывайте всего себя на поверхность, хватит прятать за пазухой правду. Эти люди, эта семья. Для чего они вам? Потешить самолюбие? Хочется, чтобы в вас верили. Ваша противная лощенная рожа вызывает у них умиление и доверие к вам. Но что вам от них нужно? Вы питаетесь энергией таких, как они, их вера вам вкусна. Поэтому вы убили Питера Грейта. Вы и их убьете, если они вдруг перестанут вами восхищаться? Вам доподлинно известно, что вы не человек, и теперь не стоит даже думать о человечности. Существо, способное на безжалостное убийство. Время раскрывать карты, мой друг. Время быть Александром.

И вдруг мое сердце предательски трепещет и словно отряхивается ото сна, расправляя маленькие крылышки. Чувство эйфории и какого-то непонятного восторга расходится по телу. По коже бегут мурашки. В спальню идет Денис. Вечер. Тишина. А внутри словно готовится буря.

– Да что с тобой, Аарон? Ты всех обидел. Иди извинись! – он дотрагивается до меня. Я ощущаю его поддержку, но не готов принимать ее. – У тебя глаза на мокром месте. Ты холодный. Замерз? Я сейчас одеяло принесу.

Я ежусь от его теплого касания, стараясь ладонью разгладить маленькие непослушные бугорки на теле.

– Я в полном порядке. Ты можешь сейчас пригласить сюда родителей? Я должен с вами поговорить.

– Извиниться хочешь?

– Нет. Кое-что другое.

– Тогда мы пойдем в парк, Маринка предложила погулять, остыть. Пошли с нами. На улице и поговорим.

– Нет. Я останусь дома. Видишь, у меня нет настроения.

– Хорошо-хорошо. Но такая чудесная ночь пропадает зря! Завтра уже дожди обещают

Я смотрю в окно на яркое суперлуние. Очень хочется разделить радостное настроение с семьей, но ни за что на свете не сойду с выбранного пути, единственно правильного для меня. Других путей с минимальными потерями я не вижу.

– Ладно, если передумаешь, мы в парке.

– Я не передумаю, спасибо. – сжимая кулаки до крови, жду, когда же он уйдет. Еще немного, и я сдамся. Уходи, Денис. Уходи, умоляю!

Ушли. Закрывая глаза, я погружаюсь в сны. Держись, Аарон. Держись.

Как же хорошо на улице! Темнота не мешает мне разглядывать косые капельки начинающего моросить дождя. Подставляя лицо под струю небесной воды, я, наконец, ощущаю комфорт и легкость. Казалось, этот длинный день не закончится вовсе, но вот последний лучик света прячется за горизонтом – он тоже хочет отдохнуть. Люди на улицах разглядывают сумасшедшего, стоящего под дождем и любующегося небом, а мне так хорошо, что, забыв обо всем на свете, я наслаждаюсь прохладной влагой. Вода намочила пиджак и брюки, добралась и до ботинок, но это не портит радостного настроения. Ощущение, что все будет хорошо, что выбран правильный путь, обволакивает тело мокрыми каплями. Кто-то сказал, что дождь – это слезы ангелов. А я точно знаю – на небесах не плачет никто! Там легко и тепло, беззаботно и комфортно, там нет печали и грусти, есть только любовь к Богу, переполняющая всю оболочку тел. Там счастье. Мои мысли перебивает резко начавшийся ливень,

меня словно окатывают из ведра, приходится бежать под крышу. Минут через десять “плач ангелов” прекращается, и я продолжаю путь к самому высокому зданию в Лос-Анджелесе – “First Interstate World Center” на Гранд Авеню. Спросите у любого местного жителя: “Что это за высотка?” – и люди ответят: “Это самая мощная и влиятельная школа искусств в мире!” Так и есть. А раньше все было по-другому.

Когда судьба подарила мне замечательного друга, никакой влиятельной и мощной корпорации тогда не существовало. Было обычное, почти не приметное двухэтажное здание с покосившейся надписью “Peterson’s Instrumental School”, куда мог прийти каждый, кто хотел заниматься музыкой, независимо от вероисповедания, количества приданого и носимого титула: графы, аристократы, малоимущие, дети, инвалиды и совсем бедняки – Артур не отказывал никому. Спотыкаясь о безразличие президента Милларда Филлмора к искусству и к стране в целом, Петерсон все-таки добился, чтобы маленькая школа получила лицензию на право осуществления коммерческой деятельности, а это означало, что за концерты ученики смогли получать деньги, пусть и небольшие. Артур отдавал 80% прибыли от предприятия музыкантам, считая своим долгом просто открывать перед людьми двери в искусство, и лишь 20% шло на становление и продвижение дела. Однако, люди сами несли деньги и жертвовали их школе, чтобы всем вместе осуществить великолепную мечту: построить дворец, откуда идет прямая дорога на сцену.

Я шел по улице, гонимый страхом одиночества и совершенно потерянный, а дождь лил, не прекращаясь, уже вторые сутки. Навстречу неслась пролетка, а мне было все равно, мне так хотелось умереть. Столкновение оказалось неизбежным, ведь за стеной водной стихии совершенно нельзя было что-то разглядеть. Сбив меня, экипаж остановился. Управлял коляской мистер в черном плаще и с элегантной шляпой. Так произошла наша встреча. Я никогда не забуду блестящие огоньки его зеленых глаз, в которых сокрыта великая теплота и большое горячее сердце, самая крепкая дружба и немножко одиночества. Он прыгнул, подбежал, принялся щупать пульс, а я плакал вместе с небом, потому что остался бессмысленно существовать. Глупо желать смерти, прекрасно зная – у тебя от нее прививка. Раны затянулись быстро, и мужчина не заметил их, предложив подбросить меня до дома в качестве компенсации за причиненный ущерб. По дороге он ненавязчиво, но точно переживая за близкого человека, расспросил о том, почему расстроенный юноша бродит под дождем, что его гложет, и будто заглянул мне в душу, сумел залечить ее. К концу нашего пути я уже рыдал на его плече, выплескивая наружу все, что накопилось, и мне стало легче. Артур протянул руку помощи, подарил надежду и научил играть на рояле. Теперь, прикасаясь к инструменту, я точно обнимаю старого доброго друга; сквозь время он останавливается в своей скрипящей пролетке с прыткой лошадкой, протягивает морицинистую, но крепкую ладонь, и снова к концу пути рыдаю на плече, рассказывая все, что меня гложет.

Проливной дождь всегда напоминает мне о друге, о том прекрасном времени, когда мы познакомились, а после не разлучились до самой его смерти. В каминной просторного теплого дома Артур впервые вручил мне нотную тетрадь и показал звуки. Через две недели мы уже играли дуэтом, а через месяц я забыл обо всех проблемах, огонек снова зажегся в моих глазах, и яркая светлая любовь поселилась в сердце – я встретил очередную любовь.

В день его похорон вся Америка пришла почтить память и проводить в последний путь этого доброго, отзывчивого, преданного делу человека, и не знаю, есть ли на свете хоть кто-то, подобный Артуру.

После смерти моего друга школой занялся жадный до денег предприниматель, который превратил безликую, но душевную школу в мощную корпорацию, привлекая спонсоров и делая из волшебного дома мечты прибыльный коммерческий проект. Теперь вряд ли кто-то вспоминает о том, что “P.I.S.” это аббревиатура от “Peterson’s Instrumental School”, и современники зовут ее “PEACE”, что значит “МИР”, “спокойствие”. Спокойствием и миром там теперь не пахнет. Изменилось многое с тех пор, но одного учебное заведение не утратило – оно по-прежнему ищет талантливых людей, приглашает их и абсолютно бесплатно обучает с той лишь разницей, что 90% прибыли от всех концертов забирает себе в качестве компенсации за труды, остальное же идет на стипендию артистам, и отбор проходят далеко не все. Да, вместо маленького покосившегося здания возвышается самое громадное строение в Лос-Анджелесе, и я направляюсь туда. Мой добрый друг навсегда остался в сердце и живет в нем по сей день. Никогда больше на моем пути не появится человек ближе и роднее, чем он. Артур Петерсон знал мою тайну, и теперь она похоронена вместе с ним на кладбище “Forest Lawn Memorial Park”. Это была его жертва за те знания, которыми я с ним поделился.

Наслаждаясь погодой и хлюпая ботинками, привычными и приветливыми улочками я дохожу до площади искусств. На ней возвышается подсвеченный иллюминацией памятник новому предпринимателю, держащему в руках символ музыки – Скрипичный ключ – ключ от дверей в мир звуков. Сворачиваю за угол и попадаю на бульвар Музыкантов, а там вплотную подхожу к Гранд Авеню, где располагается корпорация. Громадными буквами на строении выбита аббревиатура “P.I.S.”. Около входа застывшими взглядами меня встречают две каменные статуи в виде мистических львов с крыльями, олицетворяющие силу, полет фантазии; мраморные ступени ведут прямо в поднебесную, словно открывая двери перед молодым исполнителем, пришедшим попытать счастья. И абсолютно не узнать маленькую уютную школу искусств, основанную в 1850 году. Теперь это могущественная и влиятельная корпорация с кучей спонсоров, продюсеров и директоров. Здесь преподают самые лучшие учителя, здесь выпускаются самые лучшие ученики. Это икона для всех музыкантов и певцов. И я поднимаюсь по длинной лестнице, ведущей в мастерскую талантов, восхищенный бесспорным величием и силой. Да, мне повезло, что “МИР” обратил на меня внимание.

Подхожу к стойке администрации и прошу разрешения войти внутрь. Записывая данные с моего документа, охранник наводит на меня камеру и требует произнести вслух имя, фамилию, дату рождения, к кому направляюсь.

– Аарон Бейли, 25.12.1980, к Питеру Грейту.

– Он ожидает вас. – отвечает охранник, получая из кабинета Грейта одобрение в виде зеленого сигнала на своем мониторе.

Что ж, отлично – предстоит непростой разговор, и я к нему готов.

Их не было несколько часов, а я успел вспомнить, что еще один человек по вине моего эгоизма распрощался с жизнью. Мой друг. Нет, больше от рук Александра никто не пострадает!

– Проходите, у меня есть новости. Присаживайтесь, разговор не отнимет много времени.

– Что случилось? – Денис приближается ко мне и замерзшей ладонью касается лба. Я одергиваю его. – Мам, у него сильный жар. У тебя есть что-нибудь из лекарств в сумке?

– Да послушайте же вы! – кричу я, и сильным порывом ветра с полок сносит книги. Движение в комнате останавливается. Все замирают, и от этого становится не по себе. Тяжкий груз, собственноручно привязанный к шее, тянет на дно. – Мне больно! Меня мучает совесть. Меня создали, чтобы убивать. Перед вами стоит вор, лжец и убийца. Эта завораживающая улыбка, эти пронизательные глаза с огоньками внутри, этот бархатный голос. Все во мне заставляет вас повиноваться. Я не рассказывал, но в новогоднюю ночь, когда мы познакомились, я чуть

не убил тебя, Денис. Тебе просто повезло, что ты остался жив. Я даже не понял, что случилось, когда ты от моего желания узнать через тебя мир упал без чувств. Ты теперь подчинен мне. Ты мой раб. Все эти поступки – устроить побег из психушки, попросить меня остаться рядом. Понимаешь теперь, почему? Ты тот, из кого я черпаю силу!

– Да ты свихнулся! Посмотри на себя. Мам, лекарство! – кричит Денис, дрожа всем телом. В нем идет борьба – нежелание принимать правду и страх передо мной. Петр Сергеевич отходит чуть вбок и, встретившись с препятствием, замирает.

Я вбираю в себя воздух, и Дэн ощущает, как силы через ладони начинают утекать потоками в мою сторону. Я делаю новый вдох, и у него кружится голова, а моя кожа начинает гореть огнем.

– Аарон, зачем? Зачем ты это делаешь?

– Зачем? А зачем паук высасывает свою добычу? Чтобы жить. Мне нужна пища – такие как вы готовы отдать себя в жертву моему обаянию. И я сделаю то, что хочу. И вы не сможете мне противостоять. Я убью вас. Поэтому мне нужно уйти.

– Аарон, успокойся, ты пугаешь нас! Я сейчас и правда тебе успокоительное вколю! – кричит в панике Денис.

– Не называй меня так. Сейчас меня зовут Александр! Этот жалкий щенок Аарон никогда не поверит той силе разрушения, что таится в нем. Он трус. А я делаю за него всю работу.

– Аарон! Перестань!

Денис подходит ко мне, но моя рука хватает его за горло.

– Сказал же, я не Аарон. Тупой ты что ли?

Друг стонет. Петр Сергеевич пытается оттащить меня от сына, но я вырываюсь, и они оба отлетают к стене. Держась за ушибленный об угол стола бок, Денис, наконец, взрывается:

– Аарон! Александр! Здесь тебя любили! Тебя приняли в семью. Но теперь все кончено! Уходи! Немедленно уходи и не возвращайся! Ты действительно несешь разрушения! С твоими возможностями нельзя жить в этом мире. Не знаю, почему не сказал тебе раньше, но – убирайся из нашей жизни! Убирайся прямо сейчас. В тебе нет ничего хорошего. Было, но сейчас уже нет, ты решил, что ты убийца. Ты – воплощение дьявола! У тебя раздвоение личности, и тебе надо было лечиться.

– Да! Надо было. И день рождения у меня 25 декабря, так что заберите свой подарок, он мне ни к чему.

Срываю с шеи кулончик – ангелочка с невероятно красивым бриллиантовым сердцем в руках – бросаю его на стол. Еле сдерживаясь, чтобы не упасть на колени и не разрыдаться, забираю с полки золотые запонки с инициалами “А.В.” и оборачиваюсь. Память сохраняет печальные лица, лица людей, которых обидел и которые никогда мне этого не простят. После того, что сегодня произошло – мост сожжен. Я свободен от семейных уз, которые меня тяготили. Но что-то больно колет в груди. Словно я разорвал вены и связки в мышцах. Бедная Мариночка плачет, прячась от меня в коридоре, родители молча смотрят на меня с сожалением, а Денис показывает пальцем в сторону выхода, откуда они совсем недавно появились – розовощекие, счастливые и жизнерадостные. Все кончено. Доволен? Что я натворил?

– Простите. Я должен был сделать это. Я умею лишь разрушать, я не способен творить и созидать. – шепчу я и шагаю в пустоту, а по щекам катятся крупные соленые слезы, которые не удается сдержать в себе до исчезновения.

Я стою на крыше высотного здания. Порывистый ветер треплет волосы и срывает одежду. Под ногами туманный от смога Лос-Анджелес, могущественная корпорация “МИР”. Что дальше? Думай... Что у тебя остается?

Я подхожу к краю и наклоняюсь вниз. Из кармана пиджака выпадает миниатюрная карточка с фотографией семьи – единственное, что осталось у меня. Успевая среагировать, хва-

таюсь рукой за самый ее кончик. Но перед глазами возникает иная картина: картина прощания и грубые слова: “Убирайся из нашей жизни”. Осознанно разжимаю пальцы. Прощайте! У меня нет и не будет семьи. Вы мне – чужие.

Вдыхаю поглубже. Понемногу буря эмоций успокаивается, затихает в сердце жгучая боль. По миллиметру я разматывал запутанный клубок информации, у меня в руках был его непрочный кончик. Теперь только вперед, Аарон. К истине, сколь противной она не окажется.

Тринадцатый аккорд. Короткие гудки.

Он стоял и сжимал мое горло... Мой друг, мой товарищ! Его огненно-холодный взгляд выжег на сердце рану, оставив шрам. Он причинил боль всей семье. Как ты мог, Аарон? Мама с папой сидят на кровати, молча взявшись за руки.

– Вы в порядке? – я дотрагиваюсь до отца, и он, наконец, отрывает взгляд от пола.

– Что с ним, Денис? Он был весь в огне.

– Огонь у него от злости. Он сошел с ума! Ему просто крышу снесло! Он то Александром прикидывается, убийцей, то Аароном Бейли, певцом и музыкантом, скромным божьим одуванчиком. Мы ему праздник, а он нам целый концерт выдал. Зря я тогда из машины это чудовище не выкинул, он ведь сам просил оставить его, и не раз! – мой крик слышен даже соседям, однако я хочу высказаться.

Ненавижу тебя, Аарон! Я знаю, ты слышишь, и я ненавижу тебя всем сердцем!

– Денис, а ему не было больно? – шепчет мама, переживая за этого психа.

– Ты беспокоишься за него? Да ему было лучше всех! Больно ли Аарону? А нам не больно? Он плевать хотел на нас, а ты переживаешь! Да как можно? Он когда делал вдох, я чуть в обморок не падал. Он питался моими силами все это время! И вашими.

– Аарон не хотел причинить нам боль, он просто не нашел лучшего способа уйти, чем этот. Его никто бы не отпустил без объяснения причины, а причина одна – кто-то намеренно пытается убедить его в том, что он плохой. Нельзя оставлять нашего Аарона в таком состоянии, он может натворить глупостей. Неужели ты не видел, как тяжело ему было произносить всю эту чушь? Ежесекундно он боролся с отчаянием, злясь лишь на себя! – сестра, любящая вся и все, вставляет свое слово, вытирая слезки. – Он слишком сильно любит нас, поэтому не хотел, чтобы мы пошли следом за ним. Сделал так, чтобы его возненавидели. Неужели ты считаешь, что он слишком глуп?

– Аарон доказал, что опасен для общества и способен причинить близким людям боль! Он мог бы просто поговорить с нами.

– Не мог. Ты его не послушал бы. Зачем-то ему нужно, чтобы мы отвернулись от него. Это же очевидно, Денис.

Я кричу на сестру:

– Марина, хватит строить иллюзии! Я видел, как ты на него смотришь! Ты влюбилась, сестренка, поэтому защищаешь этого предателя, только вот ему начхать на тебя.

– Ты поступил бы также, когда увидел, что нет другого выхода. – Маришка упивается слезами. Она хватает курточку и выбегает на улицу. Глупая девчонка! Она правда любит Сашу своим большим и невероятно добрым сердцем, а я словно воткнул ей в спину нож. Ну и пусть, правда колет. Сверкая от ярости глазами, поворачиваюсь к родителям.

– Вы тоже так считаете?

– Денис, по-моему, она права. – спокойно рассуждает папа.

– Что? Мой собственный отец сомневается в родном сыне? Ты считаешь, что этому пришельцу можно доверять? Вы тоже на его стороне? Мама?

– Да, сынок. Аарон умный мальчик и просто так бросаться словами не станет.

– Да он же робот, которому все сочувствуют! Эй, вы себя слышите сейчас? Ах, какой хороший мальчик, ах, ах, ах! Тьфу! А проклятое существо питается вашей энергией, высасывает ее и идет дальше, перешагнув через вас!

– Не смей так о нем говорить! Он – твой друг! И он нам как сын. – повышает голос отец, и я ощущаю пустоту внутри себя. Мои родители встают на защиту Аарона, он что-то сделал

с ними. – Он всегда был хорошим человеком. Аарон у меня сомнений не вызывает в отличие от тебя!

Аарон занял место в моей семье и вытеснил меня из нее! Он – наглый и беспринципный тип, эгоист, каких свет не видывал.

– Ну все, хватит ссориться. Больше не хочу о нем слышать. Давайте все забудем?

Но мама разворачивается и выходит, не глядя на меня. Отец испаряется следом за ней. Я огорчен.

– Ненавижу вас всех! – в нашей семье остался лишь один человек, не подвергшийся гипнозу. Аарон Бейли, твои демонические чары больше на меня не действуют!

Из-за этого проклятого демона я потерял работу. Хорошее, между прочим, место. Теперь надо заниматься поиском новой, тратить кучу времени, ездить по собеседованиям и пытаться понравиться, корчить из себя скромного и всемогущего сотрудника, не питающегося во время рабочего дня и способного денно и ночно выполнять поручения и нет, не претендовать даже на отпуск! Тьфу! Раньше мне приходилось трудиться на стройке прорабом. Да, это не просто. Начальник, закоренелый бандюга, все время орет – каждую секунду приближается срок сдачи дома. Деньги крутятся немалые, поэтому крик не смолкает. Как вспомню эти зековские морды “наших” рабочих и “не наши” – приезжих, которые знают только слова “паспорт”, “дай” и “зарплата”, и еще одно выражение: “все могу”. М-да... Жалеть тут нечего.

Часто думаю о выбранной профессии. Когда еще учился в университете, я мечтал заниматься музыкой, однако реальность ударила по карману, пришлось забыть о фантазиях. Молча сажусь за ноутбук и открываю горячие вакансии, попутно размышляя о своей жизни.

Скоро мне исполнится 29 лет, а я толком еще ничего не сделал. Ничего, чем мог бы гордиться. Нет ни жены, ни детей, а ведь скоро четвертый десяток! Чья это вина, что в свои годы я не встретил любимую женщину, не имею семьи? Только моя. Такой уж у меня характер и так сложилась судьба. Она посылала мне милых, симпатичных девушек – живи, радуйся. Но я видел в них лишь недостатки, нарочно искал. Не было той искорки, о которой усердно твердили друзья. Из-за Аарона вся жизнь пошла под откос! Теперь так сложно вернуться в привычное течение, приходится продираться сквозь заросли к истоку, чтобы начать путешествие заново. Мне кажется, что я еще ни разу за столько лет не любил по-настоящему, искренне, с замиранием сердца, с искорками в глазах. Моя беззаботная двадцатилетняя сестра идет по жизни смеясь, улыбка озаряет ее светлое и чистое лицо, и у нее все получается, а вот человек, который не ступит шагу, сто раз не подумав о последствиях, несчастен. Почему? Почему на моем пути повстречался этот юноша с черными как вороново крыло волосами и белоснежной кожей? Для чего? Эх, я до сих пор мечтаю пробудиться утром первого января 2006 года с перепачканным салатом Оливье лицом, чтобы все это оказалось потрясающе долгим цветным сном.

С работами не задается сразу. Записываясь на пару собеседований на вакансию прораба, жду завтрашнего дня. Вот поеду и устроюсь куда-нибудь, чтобы отвлечься, встряхнуться. Еще предстоит бумажная волокита. Надо восстанавливать документы после аварии. Мы ведь в этом мире были в коме. Точнее, кто-то вместо нас тут был, и теперь они исчезли. Но я-то тут. И мне нужно как-то жить дальше. Опять миллион проблем из-за одного типа. Могу ли я не думать о нем? Дольше минуты не получается.

Проходит месяц. Вечер. Злюка-Денис решается-таки позвонить родителям. Не берут трубку. Ничего, в доме стоит автоответчик – увидят, что настоящий сын им звонил, поймут,

что я переживаю и хочу поговорить. Скорее всего, еще дуются, хотя прошло уже достаточно много времени с нашей ссоры. Скоро мой день рождения, хочется пригласить их.

Я думаю об Аароне. Ловлю себя на мысли, что мечтаю вновь услышать его крик о помощи. Но не откликнусь! Гарантирую!

Пожалуйста, позови меня, друг.

Кажется, без Аарона я схожу с ума. Выкидываю его из своей головы, но он постоянно возвращается. И мне ненавистна память о нем. Он словно живет во мне и управляет сознанием. Уходи, сказал же!

Решаю приготовить обед. Какой же вкусный суп варил мой друг. Опять о нем! Хватит. В свой борщ я роняю солонку и со злости добавляю слишком много уксуса. К черту Аарона, к черту все мысли об этом лживом существе!

...А вдруг Марина права?! Нет! Быть не может! Эта девчонка просто влюбилась и не видит реальности. У нее все “лапочки”, “солнышки” и “котики”.

...И все же?.. Аарон не глуп. Хм, я опять думаю о нем.

...Что нужно сделать, чтобы забыть его черные как смоль волосы, светлую кожу, веселую улыбку? Эти задорные огоньки в добрых глазах? Почему он поселился в моей голове и не хочет уходить? Я живу на грани срыва, готовый признать, что родители и сестра оказались умнее меня, гордого и слепого. Аарон никогда не поступал необдуманно. Единственное, на что он способен, это промолчать о том или ином своем действии, не поделиться планами. Мой друг уже не раз вытворял подобное. И сейчас не сказал о чем-то важном. Ушел, спрятав информацию в себе, зарыв как можно глубже, чтобы никто не догадался. Чтобы обезопасить нас. Почему мне не пришла эта мысль раньше, до его ухода? Возможно, все было бы по-другому!..

...Ты молодец, Аарон. У тебя получилось задуманное, ты добился своего, а я просто дурак, что тебя отпустил, да еще наговорил всякого... Жду тебя назад, возвращайся домой... Прощу... Ты слышишь?

...Почему он не такой как все? Почему он такой, какой есть? Почему я думаю о нем?.. Мне страшно.

Все, надоело сидеть дома. Я только и делаю, что мечусь по квартире из угла в угол, треплю волосы, опускаю руки и хватаюсь за голову! Гипноз... Аарон Бейли, твои коварные чары вновь действовали.

В день своего рождения, не дожидаясь звонка родителей, я собираюсь к ним в гости. Серьезный шаг, но мы ведь родные люди. Как же трудно пришлось моему лучшему другу: он стоял, глядел в мои глаза и нес чушь, и нес ее так уверенно, что товарищ предал его и отрекся. Дверь не заперта, они дома. Никто не кидается встречать меня, как это было прежде. Я снимаю обувь.

– Мама, папа! Ну простите! Я был неправ. Вы оказались гораздо умнее и дальновиднее! Не сердитесь. Я звонил вам, почему трубку не брали?

– Здравствуй, Дэнис. – слышу я и замираю. Вместо доброго и мягкого маминого голоса раскатистым громом звучит совершенно незнакомый мне голос с акцентом. Оценивая ситуацию, я тянусь за телефоном и набираю 112.

– Кладите трубку, Дэнис. Ваши родители у нас. Если вы сообщить немедленно в полиция, мы вынужден принять меры. Пока с ними все хорошо.

Я кладу телефон. Пульс учащается, тело дрожит до кончиков пальцев. Наверно, сейчас все будет, как в стандартных американских фильмах: меня возьмут в заложники и станут требовать у Аарона поведать какие-нибудь тайны, и мне придется кричать: “Нет!!! Не делай этого! Лучше я погибну, но не раскрывай свой главный секрет!!!”

– Не делать глупости, мистер Жуков. Вам ловко получилось уйти из госпиталя, вы помогли Аарону сбежать. Вы – преступник! Вы защищать убийцу.

– Я защищал своего друга. – крича, я врываюсь в комнату родителей. Тому, кто украл у меня семью и пришел шантажировать, на вид лет сорок, и выглядит он совсем не страшно. Высокий, подтянутый, загорелый, мускулистый. Особое внимание привлекает лицо, не имеющее ни одного изъяна, кроме, разве что, незагорелых участков кожи странной формы на подбородке. В остальном, это типичный американский герой из какого-нибудь фильма: красивый, мужественный. Одет незваный гость в строгий черный костюм.

Несмотря на то, что сидит он один, говорит почему-то во множественном числе.

– Sorry. – он встает, поправляя пиджак, и шипит прямо в лицо. – Друг? А кто такой друг? Питер Грейт тоже был мой друг! Питер был абсолютно талантливый человек, у него остались дети и жена. В упор расстрелян! Понимаете, что Аарон Бейли – преступник? Мы его держать в больнице до выяснения обстоятельств, а вы нам помешать!

Загадочный мистер злится, ударяя кулаком по маминому любимому столу, за которым мы празднуем каждый год, и отворачивается к окну. Сейчас взять бы что-то тяжелое да двинуть ему по затылку, но только кто скажет, где моя семья?

– Он поехал к вам в Лос-Анджелес, чего вы от меня хотите?

– Мы знаем, где он. Аарон Бейли, как и подобает преступнику, сидит в тюрьма. Нужно другое от вас. Быть свидетелем по делу, тогда семья в порядке и вы – свободен.

– Свидетелем чего быть?

– Не убийство, конечно. Тут улики достаточно. Его... э... необъяснимая сила. Она пугает нас. И весь мир.

– Но он не опасен! Он хороший человек. Мне кажется, его дар от Бога.

– God? И даже когда он становится неуправляемый чудовище? Он мочь все. Это беспокоит мир очень сильно. И он не человек. – американец жестикулирует и кривит лицом, произнося русские слова, речь дается ему с трудом, однако проблем с пониманием друг друга у нас не возникает. Аарон сказал правду. Он убил человека, он не человек. Но сейчас по мне хоть мой друг уничтожил весь мир, он – мой товарищ, и снова предать его будет выше моих сил, я и так наговорил ему слишком много того, о чем сильно жалею. Наверно, если кого-то грохнул, значит, было за что.

– Могу я поговорить с родными?

Американец вплотную подходит ко мне и отрицательно мотает головой. Я принимаю боевую стойку, но он кладет руку на мое плечо. Кажется, она весит центнер.

– Нет, до суда это исключено. Дэнис, мы не враг вам и не враг Аарону. Прошу поверить, он мне как сын, но остушился и жалеет сейчас. Помогите нам. Вы поехать со мной, пока это все.

Всеми органами чувств ощущаю протест внутри себя. Дрожат руки, дрожит голос. Я пытаюсь понять причину невозможности сделать так, как велит господин в дорогом костюме со значком крылатого льва на груди. Ответ лежит на поверхности. Мне страшно осознавать его, мне боязно понимать, что вот он, нужно лишь произнести слово. Смахивая с плеча изящную длинную руку мужчины, отхожу к окну и впираюсь глазами в унылый дождливый пейзаж. Печаль, грусть, тоска, ворох мыслей об одном лишь человеке, который забрал с собой мою душу. Вместо картины природы передо мной там, за чуть грязными от разводов стеклами, стоит Аарон, притягательный, высокий, с черными, естественно завитыми в маленькие

кудряшки волосами, с белоснежной кожей, с густыми ресницами-бабочками, и я ощущаю его присутствие всем сердцем. Самое теплое на свете, самое прекрасное на земле и заставляющее меня сходить с ума чувство. Прежде мне не доводилось испытывать его, но теперь знаю, как оно выглядит. Слишком приятное, слишком нежное, манящее. Светлое, доброе, незнакомое. Дрожь скользит по телу. Теперь я знаю, каково это. Искорки загораются в моих глазах, чтобы уже никогда не потухнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.